

Секция XII.

Фонетика, графика, орфография русского языка

О системном подходе в практике установления родного языка диктора, говорящего с акцентом

Ф. О. Байрамова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; эксперт Лаборатории судебной экспертизы видео- и звукозаписей
Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ

firuza_bairamova@mail.ru

Звучащая речь, акцент, родной язык, интерференция

Summary. The article is devoted to the approach that makes possible to identify the mother tongue of the person speaking foreign language with accent by forensic linguist. The author explains that the present strategy needs to be improved and that more linguistic features need to be taken into account.

Одной из трудоемких задач в экспертной деятельности лингвиста является диагностика национального акцента говорящего с неизвестным акцентом. Этот вопрос принципиально разрешим и по умолчанию указывается в перечне задач эксперта как «рядовой». Однако ответ на него в большинстве случаев может быть только вероятным, что объясняется зачастую недостаточным объемом речевого материала, поступившего на исследование, и низким качеством исходной записи. Но основной трудностью является отсутствие полного и доступного системного описания национально-диагностических черт акцента в русской речи. Те инструменты, которыми теоретически может воспользоваться лингвист в решении подобного вопроса, не всегда могут быть ему доступны и требуют усовершенствования.

Эксперт по отличиям речи диктора с неизвестным акцентом от речи носителя языка устанавливает язык или группу, к которой может относиться родной язык инофона. При этом поиск осуществляется на открытом множестве возможных вариантов. Выбрать соответствующий вариант эксперту-лингвисту помогают специальные справочные пособия (например, [2]) и экспертные системы (например, [5]). Однако пока экспертная литература по этой проблеме предоставляет информацию несистемно, учитывая акцентные проявления только на сегменте уровня и не отмечая такие признаки, как примыкание, фокус артикуляции и степень напряженности согласных [1: 70]. Обычно это набор признаков (не всегда упорядоченных), отличающий речь с конкретным акцентом от речи носителя русского литературного языка. В этот список традиционно входят такие, как: более открытое (закрытое) произнесение узких гласных, дифтонгоидное произнесение гласных неверхнего подъема после мягких согласных, отсутствие или изменение редукции безударных гласных, отсутствие или изменение ассимиляции согласных по глухости / звонкости, твердости / мягкости, отсутствие или ослабление мягкости и оглушения согласных в исходе слова, специфическое произнесение шипящих, аффрикат и [j] в разных позициях, вставка гласных в стечения согласных и др. ([2]).

Эти и другие признаки были учтены в информационно-поисковой системе «Территория» [5]. Разработчики указывают, что в программный пакет включены и просодические характеристики, однако конкретных ссылок (кроме общего указания на научные отчеты организаций-разработчиков) на специальную литературу по этой тематике не представлено. Система снабжена мультимедийным справочником эталонов отдельных акцентов и диалектов русского языка и по заданным параметрам речи неизвестного диктора автоматически подбирает подходящий. Если же в распоряжении эксперта этой системы нет, его исследование значительно усложняется и проводится исключительно «вручную».

Важно учитывать сам механизм установления родного языка диктора с неизвестным акцентом: эксперт работает со «следом» родного языка, проявляющимся в акценте. Сопоставляя акцентную речь с нормативной речью носителя русского языка, лингвист выводит систему аллофонов языка-субстрата и через нее приходит к фонематической системе

национального языка. Большую роль будет играть степень выраженности признака и его соседство с нормативным произношением. По этой причине исследование исключительно сегментных признаков недостаточно — системы аллофонов обнаруживают большое совпадение в акцентных признаках, различительных же черт намного меньше, на их выявление и должна быть направлена экспертиза.

Основным инструментом эксперта является ухо. Ключевым в решении задачи установления родного языка говорящего с неизвестным акцентом является умение услышать несвойственные для носителя русского языка произносительные особенности. Именно слуховой анализ позволяет выявить акцентные черты разной степени выраженности. Комплексный анализ собранных признаков конкретизирует полученный результат и позволяет сделать вывод уже не о несвойственном русскому произношении, но о произношении, свойственном для носителей определенного языка (группы языков). Данные слухового анализа проверяются инструментально: акустический анализ позволяет визуализировать слышимые различия.

Имеющаяся справочная литература дает информацию о сегментных акцентных особенностях и ориентирует эксперта во множестве возможных вариантов интерферирующих систем. Однако суперсегментные акцентные признаки пока не нашли свое отражение в экспертных методиках и оцениваются на практике преимущественно с позиции (не)свойственности для носителя русского языка. Во многом это объясняется разнородностью существующих в науке описаний интонационных систем — в частности, использованием различных подходов к исследованию интонации (ср., например, систему интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой и комбинаторную модель фразовой просодии С. В. Кодзасова [4: 127–139]).

Таким образом, корректность выводов эксперта зависит от интерпретации произносительных особенностей, выявленных в ходе слухового анализа. Важную роль при этом играет системный подход — только исходя из комплекса признаков можно делать выводы о родном языке диктора, говорящего с неизвестным акцентом.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Лингвистический анализ в криминалистической экспертизе звукозаписей // Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей. М., 2003. С. 59–83.
2. Галышина Е. И., Хуртилов В. О. Диагностика национального акцента по фонограммам русской речи (по языкам народов СССР): Методические рекомендации. М., 1991.
3. Интерференция звуковых систем. Коллективная монография / Под ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой. Л., 1987.
4. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2005.
5. Коваль С. Л., Смирнова Н. С., Хитров М. В., Черенцов П. В., Попов Н. Ф. Информационно-поисковая автоматизированная система диагностики типа акцента / диалекта русской речи неизвестного диктора «ТЕРРИТОРИЯ». http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Koval_Smirnova.htm.

Национальный стереотип и коммуникативные средства его воплощения в экранизации произведений классической русской литературы (на примере кинофильма «Барышня-крестьянка»)

М. А. Балдова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

garoupell@gmail.com

Коммуникативный уровень языка, семантический анализ, национальный стереотип

Summary. The report is devoted to the national stereotype and communicative means of its realization in screen version of Russian classics.

Одной из важнейших функций языка является противопоставление номинативного и коммуникативного уровней. Назначение номинативного уровня — передача информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, коммуникативный же уровень связан с отражением соотношений позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации [2]. Различные типы этих отношений находят свое отражение, в том числе, и в национальных стереотипах, существующих в русском сознании. Настоящий доклад посвящен анализу национального стереотипа и коммуникативных средств его реализации в экранизации произведений русской классической литературы.

Комплекс средств, формирующий особенности коммуникативного поведения говорящего и идентифицирующий его как представителя определенной национальной культуры (в контексте данной работы — англичанина), мы называем *инофоном* [1]. Инофон условно можно разделить на две группы. Во-первых, это *акцент*, понимаемый как система отклонений от нормы произношений, возникающая в результате взаимодействия двух или нескольких иноязычных систем. Но акцент — это не просто характеристика речевого портрета персонажа, он маркирует тип отношений между говорящим, слушающим и ситуацией; это средство, которое, выходя на коммуникативный уровень, прописывает понимание, единение либо противопоставление персонажей. Во-вторых, что наиболее важно, это *значимый отбор коммуникативных средств русского языка*, диктуемый национальным стереотипом, существующим в русском языковом сознании. Актер, руководствуясь своим творческим чутьем, маркирует либо не маркирует принадлежность своего персонажа к определенной нации, в зависимости от сверхзадачи фильма. При этом он может как следовать национальным стереотипам, так и нивелировать их. Отметим, что из множества черт, присущих английскому гетеростереотипу (представлению русских об англичанах), на коммуникативном уровне будут работать следующие: сдержанность, вежливость, подчеркнутая дистанцированность, неземность, чопорность.

Рассмотрим в качестве примера экранизацию повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Эта интерпретация значительно отличается от оригинального текста, что во многом связано с проблемой гетеростереотипа. Идея единства персонажей на фоне внешних различий получает своеобразное воплощение в фильме. Культурологический конфликт англоманства и русофильства, заложенный в сюжете, становится ведущим в экранизации, определяя коммуникативное поведение множества персонажей, внося новые характеристики, которых нет или которые едва намечены у А. С. Пушкина. Через акцент, пафос англоманства воплощает собой гувернантка Лизы, мисс Жаксон. Предельное нагнетание акцента приводит к непониманию зрителем реплик героини из-за нагромождения ошибок, как фонетических, так и морфолого-синтаксических: вместо русского переднеязычного переднеязычного дрожащего [r] — звонкий плоскощелевой сонант с загнутой передней частью языка (какминальное) [r]; вместо русских переднеязычных зубных взрывных [d], [t] — соответственно альвеолярные [d], [t]; вместо переднеязычного зубного бокового апроксиманта [l, l'] — альвеолярное [l]; вместо переднеязычного зубного щелевого [s] — альвеолярный фрикативный переднеязычный [s]; произнесение на месте [ж] и [ш] мягкотелых шипящих (с более передней артикуляцией) ʒ, ʃ; отодвинутые назад гласные; изменение движения тона в предцелительной части ИК; отсутствие согласования; употребление инфинитива вместо спрягаемой формы глагола; неверное употребление спрягаемой формы глагола; неправильное употребле-

ние падежей, чисел, рода. Такая концентрация ошибок, помимо создания комического эффекта, отсылает нас к ключевому параметру стереотипа иностранца: происходит противопоставление двух социумов; акцент показывает принадлежность героини к иному, английскому миру, который чужд и непонятен русскому человеку.

Однако акцент — это лишь одно из средств, заданных проблематикой фильма. Гораздо интереснее работают русские коммуникативные единицы, которые подчиняются существующему в русском сознании стереотипу англичан. Так, коммуникативное поведение английской дамы Бэтси — одной из масок Лизы (хотя у Пушкина Лиза в этом эпизоде говорит по-французски) — противопоставляется сугубо русскому поведению крестьянки Акулины, несмотря на то, что в речи обеих появляется английский язык (чего нет в оригинале). Для Бэтси, помимо английской речи, характерны медленный темп, низкий фонетический регистр, отодвинутые назад гласные, ИК-4, которая, с одной стороны, имитирует интонацию английского языка, но, с другой стороны, как единица русской системы, вносит параметр дистанцированности. Эти средства отсылают нас к таким чертам гетеростереотипа англичан как чопорность и надменность. Речь же Акулины, в соответствии с ее представлением о говоре русской крестьянки, насыщена просторечными словами и выражениями, отметим неоднократное употребление нелитературного *чѐ*; характерны частая смена фонетических регистров, быстрый темп речи, обилие таких единиц как *a, вот, ой, да*, разнообразие типов ИК. И тем неожиданнее на фоне этого в ее речи появляется английский язык (фразы, явно подслушанные в усадьбе), вносящий яркую юмористическую окраску в образ Акулины.

Кульминацией становится непредусмотренная оригиналом, но задуманная режиссером и воплощенная актерами игра со зрителем, основанная на конфликте стереотипа, существующем в русском языковом сознании, и реализованного коммуникативного поведения, сформированного, с помощью коммуникативных средств русского языка. Неожиданно для зрителя англоман полностью следует коммуникативному поведению русского, речь же русофила соответствует гетеростереотипу англичанина; номинативный уровень при этом остается неизменным. Так, в речи англомана Муромского часто встречаются такие коммуникативные единицы как *ну, же, а, аж, м*; подчеркнем обилие модальных реализаций ИК, что свидетельствует об открытом эмоциональном состоянии говорящего; частое использование ИК-5 (параметр степени), модальной реализации ИК-2 (включение в личную сферу), направленных на интимизацию регистра общения. Речь же русофила Берестова отличается неземностью, закрытостью, однообразием ИК, скупостью использования междометий и других коммуникативных единиц. Такая позиция взглядов и речевого поведения героев, основанная на антонимическом использовании стереотипов, показывает шаткость различий и отражает внутренне единство героев. С другой же стороны, игра стереотипами, рассчитанная на понимание зрителями, подтверждает их наличие, устойчивость и распространенность.

Литература

1. Балдова М. А. Эстетическая нагрузка средств, формирующих коммуникативное поведение носителя иностранной культуры // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Выпуск 3: Сборник научных и научно-методических статей / Ред. кол.: Л. П. Клобукова и др. М., 2007.
2. Безьева М. Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи и Боже. Материалы к словарю коммуникативных средств) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2008.

Роль словаря в унификации правописной практики

В. В. Беликов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

vibelikov@gmail.com

Унификация правописания, правописная практика, орфографический словарь

Summary. The Russian spelling has been loosened during the 1990s. The statistics of printed media usage shows a considerable impact of Russian orthographic dictionary on the unification process.

По комплексу причин за последнее двадцатилетие правописная культура в России резко снизилась, не последней роль в этом сыграли недостаточная для правового государства легитимность Правил 1956 г., а также различия рекомендаций орфографических словарей. Появление «Русского орфографического словаря» (1999, далее РОС), особенно его существенно дополненного 2-го издания (2005 г. — 180 тыс. слов), а также еще более расширенной электронной версии на портале Грамота.Ру (2007), привело к значительной унификации орфографии. Однако неясный статус этого издания вел к тому, что авторы, издатели, редакторы, кор-

ректоры не всегда придерживались предлагающейся РОС кодификации, но статистика показывает, что число тех, кому орфографический словарь «не указ», снижается. Объективные данные о влиянии словаря на правописание можно получить при анализе текстов бумажных СМИ. Степень осознанности орфографического выбора заметно выше в тех случаях, когда слово является для текста ключевым, одним из маркеров этого служит его использование в заголовке.

По материалам базы СМИ «Интегрум» статистика использования орфографических вариантов в заголовках центральной (Ц) и региональной (Р) печати такова:

	по 2005		2006		2007		2008		01–06.2009	
	Р	Ц	Р	Ц	Р	Ц	Р	Ц	Р	Ц
<i>брэнд(овый)</i>	794	938	469	244	569	306	717	250	280	102
<i>брэнд(овый)</i>	982	1502	225	131	156	59	149	27	35	4
= РОС, %	45	38	67	65	78	84	83	90	89	96
<i>рэпер(ский)</i>	26	16	8	3	15	6	14	5	12	6
<i>рэппер(ский)</i>	51	20	11	0	15	4	15	0	9	3
<i>реп(н)ер</i> ¹	5	0	0	0	1	0	2	0	2	0
= РОС, %	32	44	42	100	48	60	45	100	52	67
<i>риелтор</i>	57	61	39	30	62	19	98	21	47	7
др. вар-ты ²	1935	1603	368	88	361	63	335	45	163	15
РОС, %	3	4	10	25	15	22	23	32	22	32
<i>блогер</i>	0	1	1	2	10	15	42	39	33	16
<i>блоггер</i>	1	10	6	8	25	12	54	21 ³	18	3
= РОС, %	0	10	10	20	29	41	44	65	65	84

¹ В знач. 'исполнитель рэпа'; прилагательное *реп(н)ерский* в заголовках не встретилось.

² *Риэлтер, риэлтор и риелтер.*

³ Вкл. *блоггерский* (2).

Как видим, до кодификации в СМИ преобладали отвергнутые словарем варианты. Нормализация орфографии в Москве идет быстрее, чем в регионах. Темпы «внедрения» словарных написаний различны и зависят от культурной и профессиональной ориентации авторов, пользующихся соответствующей лексикой, а также от соответствия кодифицированной нормы правописному узусу; оба фактора хорошо прослеживаются на медленном внедрении неудачно выбранного варианта *риелтор*, попавшего еще в первое издание словаря.

По 1999 г. включительно конкурировали *риэлтор* и *риэлтер*, при этом фактический стандарт в разных регионах складывался независимо: 94% текстов бумажных СМИ Петербурга использовали вариант *риэлтер*, в то время как в Москве он встречался в 40% текстов, а *риэлтор* — в 59%. В 2008 основным петербургским вариантом был *риэлтор* (58% текстов), а в Москве — *риелтор* (41%). Однако орфографическая практика и до сих пор во многом зависит от конкретного издания: в «Комсомольской правде» варианты, отличные от *риэлтор*, всегда были и остаются единичными, «КоммерсантЪ» столь же последовательно придерживается написания *риэлтер*, при этом в «Комсомольской правде в Питере» преобладает *риэлтер*, а в екатеринбургском, пермском и саратовском изданиях «Коммерсанта» — *риэлтор*. За период наблюдения многие издания поменяли свои стандартные варианты, иногда постепенно и с колебаниями, иногда — в один день. Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 2005 г. абсолютно доминировавшему прежде

риэлтеру появился конкурент — *риэлтор*; в 2006 г. он стал основным вариантом, но к 2009 г. постепенно уступил место *риелтору*. Переход же от *риэлтера* к *риэлтору* в нижегородском издании «Биржа плюс Свой Дом» точно датирован 18.03.2002, а московский «Квартирный ряд» перешел от *риэлтора* к *риелтеру* 13.11.2008.

В отдельных случаях унификация орфографии наталкивается на «организованное сопротивление». Международные соревнования инвалидов, обычно именовавшиеся в СМИ *Параолимпиадой* по аналогии с английским *Paralympics*, еще в первом издании РОС кодифицированы как *Параолимпиада, Параолимпийские игры*; этот вариант обычно использовался в законодательных актах вплоть до Указа Президента РФ от 26.09.07 «О Совете при Президенте Российской Федерации по <...> подготовке и проведению XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Параолимпийских игр 2014 года в г. Сочи». Однако организация, названная при ее учреждении Параолимпийским комитетом России, активно лоббировала проанглийскую орфографию, используя заведомо ложную аргументацию*. Заказные статьи убеждали, что термина *Параолимпийские игры* «в словарях и энциклопедиях русского языка <...> нет и не было» (Санкт-Петербургские ведомости; 27.09.2007). Рекомендации РОС и других словарей тогда официально не имели силы, поэтому закон «О физической культуре и спорте» был принят 04.12.07 в «паралимпийской» редакции, после чего только такая орфография стала использоваться в законодательных актах и началась и перестройка узуса.

* Так, при обсуждении 25.01.07 в Госдуме РФ новой версии закона «О физической культуре и спорте» говорилось, что Хартия МОК не допускает «использования слов и словосочетаний с корнем „олимп“ без специального на то решения МОК», а слово *параолимпийский* может препятствовать проведению Олимпийских игр в Сочи (http://www.paralymp.ru/press/01_6.php). Между тем лишь слабое знание греческих букв помешало паралимпийским активистам правильно читать название прошедшего в 2004 г. с их участием мероприятия *Παράολυμπιακή Αγώνες*, к именованию которого International Paralympic Committee (по-гречески — Διεθνής Παράολυμπιακή Επιτροπή), разумеется, претензий не имел.

Динамика числа текстов с вариантами *Пара(о)лимпиада*, *пара(о)лимпийский*, *пара(о)лимитец* в официальном издании «Российская газета» такова:

	по 1999 вкл.	2000– 2002	2003– 11.2007	12.2007	2008– 06.2009
<i>параолимп...</i>	2	14	153	7	72
<i>паралимп...</i>	50	20	37	10	158

В бумажных СМИ в 2007 г. повсеместным было более, чем двукратное преобладание текстов с *параолимп...*, а в

первом полугодии 2009 везде возобладали варианты *параолимп...* (в Москве — в 292 текстах из 441).

Несмотря на единодушное неприятие лингвистами такого варианта написания, реальный шанс положить ему предел был упущен с утверждением в качестве нормативного словаря, не содержащего соответствующей лексики. Как следствие унификацией орфографии занялись парламентарии, заменившие 21.10.2009 в ранее принятых законодательных актах *параолимп...* на *паралимп...*

Этимологические тоны в русском языке: одно наблюдение за процессом глоттогенеза в детской речи

А. М. Белов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
amb@sumail.ru

Просодика, тоны, фонологизация, глоттогенез, детская речь, русский язык

Summary. The paper considers one interesting case noted in speech of a 1.5 y. o. child and demonstrates that in some stages of individual glottogenesis man can formulate his own grammatic rules, dealing with such kind of language features, which could not be observed in the speech of adults — such as etymological (contour) tones, which play no phonological role in Russian, but do it in the grammar of the observed Russian child.

Под этимологическими тонами разумеется довольно типичное для ряда языков, особенно для языков т. н. силлабоморфемного (слогового) строя [2], просодическое явление, которое заключается в том, что слоги в этих языках имеют фонологически значимый тональный «контур», служащий не средством выделения одного слога из прочих (как ударение в большинстве индоевропейских языков), но неотъемлемым признаком слога, а точнее — слогоморфемы как таковой, благодаря которому одна слогоморфема может быть отличена от другой. Характерным примером могут служить бирманский или китайский языки, в которых в зависимости от выбора одного из нескольких типов слоговых контуров будет меняться и лексическое значение. Так, китайское FU¹ (с ровным тоном) означает ‘муж’, FU² (восходящий тон) — ‘богатство’, FU³ (нисходяще-восходящий тон) — ‘префектура’, FU⁴ (нисходящий тон) — ‘богатый’ (примеры из [4], другие см. в [1]).

Силлабоморфемные языки отличаются от привычных нам тем, что морфы в них в нормальном случае не могут не содержать в себе слога и тем, что в них запрещена рессиллабация; тоны могут выделять каждый слог в последовательности или проявляться на некоторых из них — но в любом случае они принципиально отличны от (даже «музыкального») ударения в неслоговых языках. Есть основания думать, что к силлабоморфемным языкам не применима даже такая (казалось бы, универсальная) дифиниция как фонема [2].

Можно было бы полагать, что русский язык, устроенный принципиально иначе, не имеет ничего общего с такими языками [3], в нем нет указанных черт и отсутствуют этимологические тоны. Но регулярное наблюдение за одним случаем развития детской речи (девочка 1,5 лет) дает основание считать, что на определенном этапе освоения родного языка этимологические тоны могут присутствовать даже в речи русского ребенка.

Первые признаки лепета ребенок проявил в семь с небольшим месяцев, причем начало лепета точно совпало с началом (вертикального) сидения и попытками ползания. К 9-ти месяцам уже отчетливо наблюдалось использование символических знаков: девочка понимала ряд русских высказываний и начала употреблять квази-слова [am] ‘есть’, [ap] ‘яблоко’, [rhh] ‘горячий’ и некоторые подобные им; важно уточнить, что этим квази-словам она (в основном) была специально обучена родителями.

К описываемому времени (1,5 года) символический аппарат ребенка уже значительно расширился. Девочка знала (= понимала на слух) названия большей части окружающих предметов (и могла показать их), владела категорией числа (1 — 2 — много), различала несколько цветов, понимала смысл ряда абстрактных слов и выражений — глаголов движения, оценочных выражений и т. д. Параллельно с этим заметно прогрессировала и способность к усвоению и произношению экспонентов словесных знаков. Так, значительную часть известной ей лексики, девочка произносила (и надо полагать, воспринимала) в виде «извлеченного» из полноценной русской словоформы ударного слога, реже (особенно в случае трехсложных слов со срединным ударением) — предупредительного и ударного слогов. Эти «извлечения» могли подвергаться существенным модификациям: *ботинки* — 460

[bad’i], *пластырь* — [pat’ä], *дыня* — [di], *арбуз* — [bu], *итаны* — [ni], *хлеб* — [eb]. Сохранялось и использование квази-слов — как упомянутых, так и новых: [guŋ-guŋ] ‘сушка’, [ts¹-ts¹] ‘грузовик’.

Особый интерес представляют собой односложные слова, в которых совершенно отчетливо прослушиваются устойчивые движения тона; подобные движения заметны и в некоторых двусложных словах. Дальнейшие наблюдения, проведенные как методом независимого аудирования, так и в ряде случаев применением инструментальных средств (речевого анализатора *Praat*) показали, во-первых, устойчивость обнаруженных тональных контуров, а во-вторых, — и наличие большого числа минимальных пар, различительным признаком которых служит, по всей вероятности, именно тип тонального контура. К таким парам, в частности, можно отнести: [dà] (с понижением тона вроде ИК–1 по Е. А. Брызгуновой) ‘дача’, [dâ] (с восходящим тоном вроде ИК–3) ‘яблоко’, [âp] (с относительно ровным низким тоном) ‘арбуз’, [âp] (с высоким восходящим тоном) ‘открыть, вытащить’, [baba] (с относительно ровным тоном и силовым выделением 1-го слога) ‘бабушка’, [bâbâ] (с восходяще-нисходящей циркумфлексной интонацией) ‘спать’.

Проведенные наблюдения позволяют предположить, что выявленные в языке ребенка тоны есть факт фонологизации, природу которой можно представить себе таким образом, что фонологическое (вычленение слова (или его аналога) при восприятии речи обычно не совпадает с имеющимся в (русском) языке взрослых. Так, из экспонента *дача* девочка вычленяет первый слог, причем так, что позиционная аккомодация [a] перед [ч] трактуется как фонологическое повышение тона, которое в сочетании с другим словом *да* (произносимом с утвердительной интонацией ИК–1) образует совершенно устойчивую минимальную пару по тону.

Если предложенное объяснение верно, то неизбежным следствием из него должно быть то, что система грамматических и фонологических оппозиций формируется ребенком активно при усвоении языка и сильно зависит от имеющегося в его (ребенка) распоряжении инвентаря словоформ; выстраиваемая им система должна быть оптимально описывающей языковые факты, которые существуют в его сознании, и быть пригодной для активного использования в речи. Кроме того, можно было бы говорить и о том, что переход от одной фонологической системы к другой связан не столько с различием в реальном произношении словоформ, сколько с тем, каким их набором обладает усваивающий язык субъект и каким образом они членятся им при восприятии речи. Это, надо полагать, проявляется примерно одинаково как в онто-, так и филогенезе.

Литература

1. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930 / 2003.
2. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
3. Князев С. В. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
4. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Об издержках морфологического подхода к описанию орфографии

Е. В. Бешенкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

lenofil@inbox.ru

Орфография, морфологический принцип, правила

Summary. Russian orthography is based on so called morphological principle as the main one. Modern rules are combined according this principle. Spelling problems are described for different word parts in spite of the fact that they don't depend on the word structure. As the result the essential part of spelling problems is substituted by morphological problems.

Признание морфологического принципа в качестве ведущего принципа русской орфографии обусловило структуру современных справочников и учебников по орфографии. Абсолютное их большинство построено на основе морфологической классификации: выделение и правописание корней, приставок, суффиксов и окончаний. Тем самым изложение орфографических проблем подчинено логике морфологической структуры. Так, в разделе о написании корней как более частные проблемы рассматриваются: проверяемые / непроверяемые гласные, чередующиеся гласные, гласные после шипящих и *ц*, буквы *э* — *е*, буква *й*, звонкие и глухие согласные, непроизносимые согласные. Очевидно, однако, что ни написание непроизносимых согласных, ни правописание гласных после шипящих, ни чередующиеся гласные, ни выбор глухой или звонкой согласной не являются специфическими проблемами корней. Это проявляется даже в тех примерах, которые иллюстрируют правила. Так, слова *радостный*, *целостный* парадоксальным образом иллюстрируют правило о написании непроизносимой согласной в корне, *прощальный* иллюстрирует *ца* в корне.

К немногочисленным исключениям относятся [5], а также справочник под ред. О. Л. Соболевой [4], учебники под ред. М. В. Панова [7]. В основу классификации в этих книгах положен принцип описания сложностей употребления гласных и согласных в разных позициях.

Построение правил исключительно на морфологическом принципе нередко приводит, во-первых, к потере орфографической сути проблемы и потере орфографического материала. (Например, проблема написания сочетаний *тч / дч* превращается в проблему выбора суффикса *чик* или *щик*, написания суффикса *чат*, при этом та же проблема на стыке приставки и корня, на стыке других суффиксов и в корнях (в таких словах, например, как *обидчивый*, *опрометчивый*, *отчебучить*, *ситчик*, *чётче*) не затрагивается вовсе.) Во-вторых, собственно орфографические проблемы подменяются проблемами морфологическими. (Например, учебники противоречат друг другу в выделении суффиксов в словах *веснушчатый*, *молодчик*, *брусчатый* и мн. других, притом что для пишущего эта проблема вторична.) В-третьих, формальное применение правил иногда провоцирует неправильное написание. (Так, прилагательное на *-тый* от слова *внук* с основой на *к* по правилу должно было бы писаться как **внутчатый*.) При таком подходе структура правил оказывается внутренне противоречивой и с неизбежностью нарушается во всех тех случаях, когда того требует материал.

Кроме того, под давлением установки на решение орфографических задач авторы вынуждены отклоняться от принятых в словообразовании и морфемике способов выделения морфем и прибегать к специфическому «орфографическому» использованию понятий, терминов. Так, правила, построенные на принципе единообразия написания морфемы, тем не менее не придерживаются этого принципа при описании суффиксальных морфем: суффиксы не сводятся в единые морфемы. Например, гласная суффикса в слове *французенка* не проверяется тем же суффиксом под ударением в словах *китаянка*, *парижанка*, но при этом и не считается исключением или чередованием. Конечно, доказательство идентичности суффиксов и правомерность проверки далеко не всегда очевидны. Так, можно считать глаголы *багрянеть* (*багряный*), *студенеть* (*студёный*), *пьянеть* (*пьяный*) производными от прилагательных, тогда глагол проверяется прилагательным (*багряный*, *пьяный*), при такой трактовке слова *леденеть*, *костенеть* являются исключениями. Но можно и выделять самостоятельный суффикс глагола *ене(ть)*, поскольку глагол не всегда соотносится с прилагательным (например, *остолбенеть*, *окостенеть* по значению соотносятся с существительным, а не с прилагательным — стать как кость, а не костяным).

Выделение суффиксов в справочниках по орфографии часто противоречит выделению суффиксов в морфемике и словообразовании. Так, можно встретить выделение суффикса *-ичк-* в словах: *лестничка*, *пуговичка*, *уличка* — *табличка*, *водичка*, *петличка* [1: 101], суффиксов *-ец-* / *-иц-* в словах *первенец*, *пехотинец*, *младенец*, *отец*, *ситец*.

А. А. Зализняк вслед за Бодуэном де Куртенэ формулирует ведущий принцип русской орфографии следующим образом: «принцип, согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет)» [2: 171–172]. Рассмотренные выше «издержки» объясняются тем, что абсолютизирована вторая часть данного принципа. Полагаем, что только а) первичное выделение сильных и слабых орфографических позиций для гласных и согласных фонем в словоформе и б) привлечение сведений морфемной структуры и других правил для слабых позиций даст адекватное описание проблем орфографии.

Морфологически нерешенные вопросы зачастую излишне усложняют и правила о написании стыков приставка + корень или корень + корень, а также правил о слитном / дефисном / раздельном написании слов. Обычно в справочниках правила о написании этих стыков не соотнесены друг с другом. Это означает, что каждый пишущий должен знать, что *супер-*, *пост-*, *транс-* приставки, *фельд-*, *гоф-* первые части сложных слов. Однако не всегда это просто. Так, словари и грамматики часто расходятся в определении морфологического статуса некоторых иноязычных «префиксоидов»: *гипо-* (первая часть сложных слов — в [3], в [6] и приставка — в [9]), *гипер-* (первая часть — в [3] и приставка — в [6], [9]), *пан-* (первая часть — в [3], в [6] и приставка — в [8]), *обер-* (первая часть — в [3], приставка — в [6], [9]). Однако важно ли для орфографии морфологическая классификация этих единиц. Орфографическое поведение этих единиц не зависит от их морфологического статуса, так как и на стыке иноязычной приставки и основы и на стыке двух корней сложного слова 1) перед йотированной гласной корня, передающей сочетание звука [j] с гласным, пишется твердый знак или дефис: *дизъюнкция*, *субъект*, *объект*, *контръярус*, *адъютант*, *трансъевропейский*, *суперъяхта*, *фельдъегерь*, 2) и на стыке иноязычной приставки и основы и на стыке двух корней сложного слова начальная буква *и* корня сохраняется независимо от произношения, ср.: *постинфарктный*, *постимпрессионизм*, *суперинтендант*, *гиперинфляция*, *контригра*, *суперигра*, *суперигла*;

В орфографии как науке назрела необходимость пересмотра роли тех понятий, которыми она оперирует, выделение собственно орфографических проблем и способов их решения.

Литература

1. Григорьева Т. М. Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография. История и современность. М., 2004.
2. Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением *ъ* — *о* и *ь* — *е* // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
4. Полный справочник по орфографии и пунктуации / Под ред. О. Л. Соболевой. М., 1999.
5. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
6. Русский орфографический словарь / Отв. ред. В. В. Лопатин. М., 1999.
7. Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы / Под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. М., 1979.
8. Темиз Я. В. Темиз Секреты русской орфографии. М., 1999.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Наивные фонетические знания и их влияние на научные теории (о замене морфов при фонемной проверке в МФШ)

Е. М. Болычева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

129-130@mail.ru

Психолингвистика, коллективное сознание носителей языка, наивная фонетика, обыденная лингвистика, фонология, морфонология

Summary. The peculiarities of a mother tongue are inevitably comprehended by its speakers. The priority of the letter over the sound is a marked feature of naïve common-sense-based phonetic decisions. The absence of the theoretical explanation of the changing of morphs in the Moscow Phonological School is fraught with secretly appealing to the naïve truths of the letter-based orthographic kind.

К концу XX в. философия языка как междисциплинарный раздел гуманитарных знаний получает в том числе и психологическую направленность, когда в центре внимания оказываются проблемы сознания и психологии [6]; [7]. Одним из направлений исследований становится описание особенностей коллективного сознания носителей языка, в частности так называемой «языковой картины мира» [1]; [2]; [4]. Язык рассматривается как отражение определенного способа восприятия и устройства мира, его концептуализации: в значении слов и устойчивых оборотов данного языка начинают выявлять ту совокупность представлений о мире, которая существует в виде системы взглядов, общих для всего языкового коллектива.

Однако модель действительного мира — это не единственная сфера, которая подвергается универсализации. Особенности родного языка обязательно осмысливаются его носителями, причем во многом одинаково (речь идет о не профессионалах-филологах, а о рядовых людях), и характер этих расхожих истин представляется значимой темой для специальных исследований.

Подобные исследования предполагают два направления поисков. Во-первых, следует понять, какие из особенностей языковой системы подвергаются коллективному осмыслению, каков объем наивно-бытовых лингвистических представлений и насколько они истинны с точки зрения научных теорий. Во-вторых, важно постичь механизм появления «мнений» подобного рода — определяются ли они всецело объективными данными языка или могут иметь принципиально иную причину возникновения, например социокультурную или психологическую.

Указанный круг вопросов начинает осмысливаться как перспективное направление теоретической работы, которая должна касаться всех уровней языка. В науке постепенно кристаллизуется специальный терминологический аппарат, иногда отличающийся колебаниями в обозначении одной сущности: «обыденная лингвистика», «обыденная металингвистика», «наивная лингвистика», «лингвистика метаязыкового сознания» [3: 371], «картина языкового мира» [5: 387]. Последнее из перечисленных определений, видимо, обыгрывает упомянутый выше термин «языковая картина мира», но понятийно с ним не отождествляется. Поиски, предпринимаемые разными коллективами авторов, касаются разных явлений, но, взятые вместе, они объединяются в самостоятельную ветвь исследований, характеризующуюся именем психолингвистической направленностью.

Описание фонетического аспекта наивно-бытовых знаний, присущих коллективному сознанию носителей русского языка, должно стать составной частью данной ветви исследований. В наборе общих представлений о языке, разделяемых всеми и каждым, фонетические истины занимают свое место. Набор звуков, существующих в родном языке, их связь с буквами, особенности произношения ударных / безударных слогов — эти и другие знания составляют корпус обыденной, или наивной, фонетики. Подобные знания могут противоречить научным истинам и не соответствовать объективным данным языка, зато они обладают исключительной распространенностью, как, например, представление о том, что мягкость звука [п'] в слове *тир* объясняется наличием буквы *и*.

Приведенное выше мнение-заблуждение значимо: оно отражает устойчивую и яркую черту наивно-бытовых фонетических решений, всегда принимаемых в угоду букве — не звуку (в данном случае правила чтения подменили собой фонетические реалии). «Тирания буквы» — так образно обозначил Ф. де Соссюр данное явление, подчеркнув его возмож-

ность «лишь в нарочито литературных наречиях» [8: 45–51]. Безусловно, современный русский язык в силу сложившейся социо-культурной ситуации относится именно к таким «наречиям». В процессе овладения навыками чтения, а потом и орфографии у каждого из нас постепенно формируется алгоритм приоритета буквы, графическое представление слова обретает особую значимость, власть. Ориентация на букву привносится в наше сознание (вернее, подсознание) незаметно: охватывая весь языковой коллектив, она становится фактом обиходно-бытовой фонетики как бы исподволь.

Обыденные фонетические истины сложно изучать в силу их интуитивного характера. Наивные представления существуют прежде всего на уровне подсознания, а не в виде логически обоснованных и композиционно продуманных текстов, охотно воспроизводимых в беседе на заданную тему. Однако представлять, каковы эти истины, чрезвычайно важно: будучи априорно данными для всех, в том числе и для профессиональных лингвистов, они могут не подвергаться оценке «истинно-ложно» в ходе научных изысканий. Трудно усомниться в том, что остается правильным по определению, — такова возможная причина противоречивости определенных тезисов научных теорий.

Процедура фонемной проверки в МФШ, как ни странно, таит в себе скрытую апелляцию к наивным фонетическим истинам буквенно-орфографического толка, — истинам, свойственным коллективному сознанию. А проявляется данный факт в отсутствии теоретически обоснованного алгоритма подмены морфов при определении фонемной принадлежности звука, — в симптоматичном отсутствии.

Как по МФШ сделать фонемную транскрипцию слова *молоко*? Проверочное *молочный* приходит в голову сразу же и не вызывает никаких сомнений. Само отсутствие сомнений и есть тот феномен, который оказывается значимым в контексте обсуждаемых проблем. Мы почему-то уверены, что *молок* и *молоч* отличаются только чередующимися <к> // <ч>. Эта уверенность не что иное, как обиходно-бытовая фонетическая истина, которая привнесена в коллективное сознание орфографическим опытом, полученным в глубоком детстве. В ходе обучения грамотному письму ребенок привыкает подбирать примеры на так называемые проверяемые гласные, не обращая внимания на наличие чередований: *освещение*, т. к. *свет*; *обижать*, т. к. *обида*. Отработанный до автоматизма алгоритм порождает интуитивное ощущение, что морфы отличаются только теми элементами, которые пишутся по-разному, буквенно же совпадающие куски идентичны по определению. Эта уверенность, присущая любому носителю языка и являющаяся первичной, в данном случае блокирует вторичные по своей сути профессиональные установки лингвиста доказывать различие / идентичность языковых единиц: ни в одном учебнике по фонетике тезис о поэлементном совпадении морфов не рассматривается.

Безусловно, проблема пофонемного соответствия морфов нуждается в специальном обсуждении и выработке четких критериев, разрешающих или запрещающих подмену морфов в ходе фонемной идентификации. Тождества, кажущиеся на первый взгляд очевидными, на самом деле требуют доказательств. В корне *молок* // *молоч*, например, под ударением [о] оказывается исключительно перед [ч], но не перед [к]. Правоммерно ли тогда констатировать наличие <о> перед <к>? Возможно, что да, но это да должно быть аргументированным, а не интуитивно привносимым.

Фонемная принадлежность первого гласного в указанном корне тоже рождает вопросы. Констатацию гиперфонемной ситуации можно оспорить проверочным *молокозавод*, произносимым с побочным ударением. Корректна ли такая про-

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
3. Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 371–386.
4. Зализняк Анна А. Языковая картина мира // http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html.
5. Орлова Н. В. Русский язык и его изучение в школе (картина языкового мира школьника) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 387–399.
6. Серль Дж. Р. Новое открытие сознания // http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/04.htm.
7. Серль Дж. Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2006.

верка и распространяется ли она на случаи типа *ветеринар* — *ветврач*?

Подобное прояснение [о] и [э] представляется фактом, явно продиктованным орфографией, буквой. Ф. де Соссюр подчеркивал, что произношения, определяемые «тиранией буквы», относятся к языку, но «вызываются фактом, стоящим вне языка. Лингвистика должна их изучать в особом разделе: это случаи „тератологические“» [8: 51].

Конечно, проблема теоретически не узаконенной подмены морфов в алгоритме фонемной проверки касается не только корней, но аффиксов. Множить примеры, касающиеся самых разных ситуаций, можно долго: *голодный* — <д'> из-за *голоден* или <д> из-за *голод*?; *стремление* — <м / м'> или <м'> из-за *стремиться*?; *схватившись* — <в / в' / ф / ф'> или <в / ф> из-за *схватив*, <и / э / о / а> или <и> из-за *запершишь*?; *читать* — <т' / д'> или <т'> из-за *нести*?

Вопросы, касающиеся объема наивных фонетических знаний и их влияния на научные решения, в том числе на правила фонемной транскрипции МФШ в плане правомерности замены морфов, еще только ждут своего осмысления и исчерпывающего истолкования.

Экспансия латиницы — языковая игра или нарушение языковой экологии?

Е. Н. Вакулова

Северо-Западная академия государственной службы (Санкт-Петербург)

vakulova@mail.ru

Алфавит, графика, кириллица, латиница, освоение заимствований, игра слов, постмодернизм, homo ludens, нарушение языковой экологии

Summary. Cyrillic graphic system in recent shows certain instability under the influence of different reasons: intense process of lexical borrowing; postmodern tendencies, globalization. The process of lexical borrowing from English is considered to be a main reason for a wide scale Latin / Cyrillic ABC instability. Latin letters are used in Russian texts with a special purpose of drawing attention, as a mean of advertising, comic effects (game of words), sometimes in a new scientific terms.

Общественно-политические изменения последних десятилетий резко активизировали процесс заимствования, не успевающего при своих сверхвысоких темпах пройти стадию графического и грамматического освоения. При этом кириллическая система за последнее время обнаруживает некоторую неустойчивость, склонность к размыванию границ.

В результате чрезвычайно активного процесса заимствования иноязычных единиц, которые язык не в состоянии в такие короткие сроки освоить, оформить в качестве «своих», появилось большое количество так называемых гибридов или кентавров — единиц, при оформлении которых используются одновременно две азбуки — кириллическая и латинская: *DVD-плеер*; *SMS-сообщение*; *SIM-карта*; *полит-PR*; *VIP-зал*; *WEB-дизайн*, причем часто в их звуковом оформлении возникают разночтения.

Кириллица подвергается системной атаке в нескольких сферах общения, среди которых

1) интернет-переписка, чаты, форумы, блоги (ср. адреса электронной почты, интернет-адреса, названия сайтов);

2) SMS-переписка (сообщения в кириллическом оформлении стóит в несколько раз дороже, поэтому оформляются средствами латинской графики и другими знаками: *Б, Ч, Ш — 6, 4, W: 4to pewil?*);

3) тексты, ориентированные на молодежь, применяющую графические средства английского языка (названия музыкальных групп, афиши, объявления);

4) рекламные слоганы, вывески, объявления, наименования фирм, для всего текста или для латинских вкраплений (латинская графика как сигнал социальной престижности всего иноязычного): *DERЖИСЬ, ЦИФРА, FORSMAЖОР*, часто с использованием пространственного расположения и симметрии;

5) заголовки произведений массовой литературы;

6) глянцевого журналы, ориентированные на состоятельного читателя;

7) написание имен, фамилий и прозвищ (никнов): *ЦветкOFF, Охана, Abdylove*.

Все сферы преимущественного использования латиницы серьезно влияют на процесс формирования современной культуры, определяют основные направления ее развития, участвуют в формировании общественного сознания, меняя его коренным образом, придавая ему определенную космополитичность. Латинские графемы (хотя бы для определен-

ной части русскоговорящих — для молодежи и «потребительской» части общества) становятся привычными, неопасными, символизирующими комфорт, удобство, красоту, приятную и модную постмодернистскую тенденцию к языковой игре (*homo ludens*).

Постмодернизм как превалирующий тип мышления, одна из форм сознания современного человека, не может не затрагивать язык, а проникновение это многопланово и разнообразно. Характерными чертами мышления и существования человека в эпоху постмодерна являются игра, шутка, травестирование, осмеяние, доведение до абсурда, размывание границ стилей и границ, в том числе между нормативным и ненормативным (в языковых играх с графикой часто нарушаются нормы морали). Использование латиницы сопровождается языковой игрой с целью привлечения внимания читателя, при этом часто просторечные единицы, невозможные по этическим причинам в системе одного языка, используются в иной языковой системе. Таким образом, «латинизация» заимствований в русском языке связана с другим актуальным процессом — стилистическим снижением, снятием табу и запретов (в том числе моральных), вульгаризацией языка.

Возможно использование кириллицы в английском тексте: **АМЕЯКА** (название голливудского фильма о советской угрозе), где «русское» написание служит сигналом угрозы, опасности (ср. использование кириллицы в произведениях Д. Джойса и Э. Берджеса).

Использование латинизированных наименований в русскоязычных текстах сопряжено проблемами распознавания единиц, колебаний в выборе варианта прочтения (*Тор, Сосо, Веер; HR-менеджер*), грамматического освоения (как правило, латинский вариант остается несклоняемым, кириллический стремится к склоняемости и имеет разговорную окраску). При оформлении грамматических форм, и при дальнейшем словообразовании используются апостроф, дефис и кириллические аффиксы.

Неоправданная синонимия, бессистемность и хаотичность использования латиницы наблюдается в терминологии дисциплины *Public relations* (*наблик рилейнз*, или *PR*). Неудобный для русской фонетико-артикуляторной системы английский вариант преобразовался в *пиар* — склоняемое существительное мужского рода со сниженной стилистической окраской, ставший основой словообразовательного гнезда: *пиаровец, пиарщик, пиармэн, пиаровский, пи-*

речь, по-иаровски, а затем — в кириллические *ПР* и *СО*, что препятствует единству и точности данной терминологии.

Затронутая проблематика восходит как минимум к XX веку; так, в романе «Бесы» Ф. М. Достоевский перечислил темы, обсуждаемые русскими в связи с политической оттепелью «уничтожение цензуры и буквы ъ, замещение русских букв латинскими, вчерашнюю ссылку такого-то, какой-то скандал в Пассаже, полезность раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, уничтожение армии и флота, восстановление Польши по Днепр, крестьянскую реформу, уничтожение наследства, семейства, детей и священников, права женщины».

В области культуры любая тема значима и осмыслена, тем более такой основополагающий, регулирующий общественное сознание институт, как графическая языковая система, олицетворяющая идеи культурной преемственности, нормативности, упорядоченности, системности, порядка, здравого смысла, логики и закрепляющая в языковом сознании носителей языка этот комплекс идей.

Модификация некоторых спектральных параметров звучащей речи при цифровом кодировании

Т. И. Голощапова

Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков

zag@speechpro.com

Флгоритмы сжатия, звукозаписывающая техника, MP-3 формат, акустические признаки звуков

Summary. The paper deals with the negative effects of some compression algorithms on the structure of the speech signal. The goal of the paper is to discover and describe characteristic acoustic distortions of some sounds and the consequent distortions in the perception of these sounds. An original complex method is used to examine analogue and digital sound recording devices to find those segments of spontaneous spoken speech that are most “sensitive” to contemporary compression algorithms.

Как известно, в экспериментальных наблюдениях над разговорной речью немаловажное значение имеют условия звукозаписи, а также основные технические параметры звукозаписывающей аппаратуры. Именно поэтому речевой материал для исследования получают в специально оборудованных помещениях, так называемых «безэховых камерах», с применением высококачественных устройств фиксации речевых сигналов. Основная цель экспериментатора — свести влияние «внешних» факторов (посторонние шумы, помехи и т. д.) к нулю. Эта задача усложняется в тех случаях, когда исследователю приходится работать с речевым материалом, записанным в «полевых» условиях. Нужно четко разграничивать признаки, которые характеризуют речь исследуемого объекта, и признаки, сформировавшиеся под влиянием, например, устройства звукозаписи. Наиболее востребованы эти знания в такой области повышенной ответственности, как криминалистическое исследование устной речи с целью идентификации человека по голосу и речи, или фоноскопическая экспертиза. Анализ фонограмм, получаемых в ходе оперативно-следственных действий и представляемых для проведения идентификационных исследований в государственные экспертные учреждения, показывает, что в некоторых случаях провести фоноскопическую экспертизу по указанным материалам не представляется возможным. Основная причина — использование аппаратуры звукозаписи низкого качества, что приводит к частотно-временным искажениям идентификационно значимых параметров речевых сигналов и, как следствие, к невозможности идентификации личности. Зачастую в оперативно-следственных подразделениях и дежурных частях используются средства звукозаписи, предназначенные лишь для фиксации содержания разговора. Как правило, такая аппаратура вносит в сигнал дополнительные нелинейные и интермодуляционные искажения, что не позволяет провести идентификацию диктора по голосу. Выборочное изучение фонограмм неизвестных лиц, записанных в московском регионе, показало, что они ограниченно пригодны для анализа фонограмм (решение идентификационных вопросов невозможно в 42% случаев). В остальных случаях предварительные исследования показали, что вероятность правильной идентификации (без учета искажений в телефонных каналах связи) снижается на 10–30%, вероятность ложного положительного решения повышается на 40–50%.

Нарушение языковой экологии в сфере графики не может не иметь серьезных культурных, психологических, политических и других последствий, непредсказуемых по своим масштабам и деструктивной силе.

Обсуждавшееся начиная с XX века, не так давно возникшее вновь и не поддержанное языковым сообществом предложение перевести русскую графику на латиницу мотивировано объективными «глобалистскими» процессами, происходящими в обществе, отражающими изменения в языковом сознании современника и отраженными в языке. И если угроза перехода на латиницу кажется нереальной, несущественной и неопасной нынешнему старшему поколению, то скоро на смену ему придет поколение, которое свои основные тексты на родном языке создавало с использованием латинской графики, для которого эти буквы связаны с идеей игры, радости, веселья, которое воспринимает их как показатель успеха, престижности, и тогда общественное мнение по вопросу возможности перехода на латиницу может резко измениться. Но пока это всего лишь прогноз, хотя степень его вероятности весьма высока.

Для исключения случаев негативного влияния некоторых параметров звукозаписывающей техники на фонетические идентификационные признаки нами с 1996 г. проводится тестирование аналоговой и цифровой регистрирующей аппаратуры на предмет пригодности речевых фонограмм, прошедших через соответствующие каналы регистрации, для последующей идентификации личности по голосу и речи. В ходе тестирования была разработана методология проведения работ, а также предложены минимальные требования, предъявляемые к аппаратуре данного типа.

Существенным фактором, влияющим на возможность проведения идентификации диктора по голосу, является снижение частоты дискретизации и применение различных методов сжатия информации. Так, применение методов сжатия по «А» закону в некоторых регистраторах приводит к невозможности проведения идентификационных исследований в полном объеме. Использование метода сжатия по алгоритмам ADPCM (32K), ADPCM (16K) и GSM также не позволяет провести полный комплекс идентификационных исследований диктора по голосу. Таким образом, применение различных алгоритмов сжатия ведет к невозможности проведения идентификационных исследований в полном объеме.

В основу данного доклада положены исследования влияния алгоритмов сжатия, применяемых в современных звукозаписывающих устройствах, на акустическую структуру русских гласных и согласных звуков. Наибольшее распространение в современной цифровой звукозаписывающей технике получил MP3-формат, позиционируемый разработчиками как формат «высокого качества звучания».

Первые «приблизительные» исследования фонограмм, полученных с применением звукозаписывающих устройств, использующих MP3-формат, показали, что речевой сигнал в такой степени дискретен, что не позволяет провести анализ некоторых микроструктур звука в полном объеме.

Дальнейшие более тщательные сравнительные исследования позволили описать некоторые закономерности изменения речевых структур, вызванные разрушающим влиянием именно MP3-формата. К наиболее значимым выводам по результатам серии экспериментов следует отнести:

1. Наблюдаются значительные флуктуации F3 и F4 одних и тех же звуков на эталонной и экспериментальной звукоза-

писях, что может привести к отклонению при определении числовых значений формант.

2. Размытость верхнечастотной области русских звуков, особенно фрикативных согласных, на экспериментальных фонограммах, как правило, приводит к ошибкам сегментации на звуковые составляющие групп согласных, один из которых фрикативный.

3. Сравнительный анализ динамики изменений частоты основного тона (мелодического контура) голоса диктора на

эталонной и экспериментальной звукозаписях показал их совпадение.

В ходе тестирования звукозаписывающей аппаратуры экспертами даются рекомендации по усовершенствованию цифровых регистраторов информации. Общей для всех рекомендаций является необходимость выбора режима записи без применения алгоритмов сжатия. Далее приводятся наиболее типичные замечания по усовершенствованию конкретных звукорегистрирующих систем.

Перцептивные и акустические параметры фразовых выделительных акцентов

Л. В. Златоустова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lphone@philol.msu.ru

Фразовый выделительный акцент, типология выделительных акцентов, их функция

Summary. The problem of perceptive and acoustic analysis of phrasal emphatic accents based upon the material of the Russian oral language is considered in the report.

Фразовые выделительные акценты играют значительную функциональную роль в формировании текста любого речевого жанра. Вместе с тем, каждому жанру присуще различное распределение типов и количества выделительных акцентов. В рамках данной работы рассматривались жанры художественных произведений — силлабо-тонического стиха, ораторской, научной, деловой речи, исследовались особенности чтения чужого и своего текстов, пересказа их содержания, порождения спонтанных и квазиспонтанных диалогов и монологов.

Типология выделительных акцентов (ВА) включает контрастный, модальные в трех значениях, эмоциональные в семи частотных значениях — современные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что эмоции активизируют когнитивные процессы при порождении речи; возможно и обратное. Очевидно одно: имеется связь эмоций с когнитивным процессом, что определяет восприятие речи мышлением в процессе ее формирования.

В нашей работе проведены перцептивный и акустический анализ ВА с целью описания их признаков параметров, установления дифференцирующих порогов, а также показаны случаи одновременной реализации двух-трех типов ВА в речевом сигнале. Чаще всего такая реализация ВА наблюдается в эмоционально окрашенной речи. Например: акцент гнева часто оформляется одновременно с акцентом страха, ирония реализуется со значением удовольствия, но чаще сопровождается негативной оценкой порицания, неудовольствия, эмоция страха характеризуется признаками эмоции удивления, в результате чего наблюдается совмещение акустических и перцептивных параметров. Безусловно, описанная комбинация совмещения двух или трех типов ВА приводит к изменению значения высказывания.

Следующий аспект исследования ставил целью показать влияние различных типов ВА на просодическую организацию текста и его составляющих. Так, сегментация речевого произведения на синтагмы теснейшим образом связана с

жанром, местом, локализацией ВА. Представляют значительный интерес пределы вариативности фонетических слов под влиянием того или иного типа ВА по параметрам длительности, интенсивности, частоты основного тона и средних значений формант.

Малоизученным вопросом остается сравнение данных перцептивного анализа с данными акустического. И это понятно: при перцептивном анализе все параметры воспринимаются слушателем в своей совокупности. Акустическая же картина обнаруживает взаимозаменяемость параметров. Так, в речи достаточно часто употребляется модальный акцент утверждения на границе незавершенной синтагмы, требующий повышения частоты основного тона (ЧОТ) на последнем ударном гласном синтагмы (что типично для русского языка). Но параметр ЧОТ занят реализацией выделительного акцента со значением утверждения, при этом функцию формирования незавершенности выполняет интенсивность, хотя слушающий не обнаруживает такой замены. Еще более частый случай: ВА контрастного типа организуется увеличением длительности и интенсивности ударного слога при равной частоте основного тона. Возможны и варианты сохранения стандартного распределения слогов по длительности, но со значительным увеличением интенсивности. Максимально часто это явление встречается в авторском исполнении силлабо-тонических стихов (А. А. Ахматова). Вообще, просодия этого жанра обладает многими чертами, не свойственными прозаическим текстам. Однако такой тип ВА частотен для ораторской публичной торжественной речи, когда ряд синтагм произносится практически на одном тоне, а ВА организуется длительностью и интенсивностью.

В кратком тезисном изложении изучаемой проблемы невозможно привести количественные данные акустических и перцептивных результатов исследования, а также дать анализ смысловых изменений высказываний. В формате доклада графический, табличный материал будет представлен.

Графические гибриды: к проблеме языкового статуса

Г. А. Иванова

Вятский государственный гуманитарный университет

ivanova-kirov@mail.ru

Графические гибриды, графическая деривация, графическая вариантность, речевая многозначность слова, графическая метафора

Summary. In this paper the problem of determining of graphic hybrid's state are discussed.

Одной из ярких особенностей языка современных СМИ, а также языка российской рекламы является *графическая гибридикация*, т. е. объединение разноплановых в графическом отношении компонентов в единое целое. Для обозначения результатов этого процесса в специальной литературе используются термины *графические гибриды* (В. М. Костюков), *графические дериваты*, *графодериваты* (Т. В. Попова), *графические окказионализмы* (Т. Н. Сурикова), *визуальные неологизмы* (Е. В. Маринова), *кентавры* (Л. П. Крысин), *монстры* (З. Н. Пономарева) и т. д. Графические гиб-

риды включают в свой состав наряду с буквами кириллического алфавита графические знаки, цифры, символы или выделенные графически (при помощи шрифта, латинской графики и др.) сегменты — слова и части слов. Ср.: «*супер*»чувство, *ве4ер*, *встреч@ться в ч@те*, *Земфира*, *игруХА* (название игрового заведения), *internet-кафе*, *LOVEлас* (название салона), *Облом off* (название спектакля), *ДолгоИграющая покупка* (название статьи о покупке домашнего кинотеатра), *уСАДьба* (название магазина для садоводов) и др. Статус подобных контаминированных образований в язы-

кознании не вполне определен, о чем свидетельствует анализ синонимичных терминов, служащих средством обозначения данного языкового феномена.

По мнению исследователей, графическая гибридизация (графическая деривация, графикация) — это новый способ образования слов, заключающийся в использовании нетрадиционного словообразовательного оператора — средств графики и орфографии. Специфика гибридов заключается в их формальной — графической — стороне; в произвольности внутрисловных, межморфемных границ, устанавливаемых при помощи графических средств; в новом, зависящем от контекста семантическом наполнении [3: 106].

Думается, по отношению к рассматриваемым явлениям наиболее удачным является термин *графические варианты слова*, свидетельствующий об отрицании деривационного статуса процесса гибридизации и признании тождества слов-гибридов с их прототипами — узуальными словами.

Графические (в узком понимании) варианты представляют собой модификации слов, связанные с графическим начертанием последних при помощи письменных систем разных языков, шрифтовых выделений и других — небуквенных — графических средств (дефиса, знака ударения, кавычек, апострофа и т. д.). Графические модификации относятся к особому типу формальных вариантов слова, поскольку сферой их функционирования является лишь письменная речь. Графическое варьирование не связано со звуковой структурой слова и его грамматическими особенностями; оно не изменяет также и семантическую сторону слова. В тексте — художественном, публицистическом — графические варианты используются как средство достижения определенного стилистического эффекта или актуализации смысла.

В случае графической гибридизации («графодеривации») мы также имеем дело с графическим варьированием — варьированием графической формы узуального слова. В большинстве случаев графическая трансформация языковой формы слова производится с использованием «старого» графического материала посредством творческого, новаторского его применения; ср.: *проГОРОД* (название газеты), *re:форма*, *СТОМАТОЛОГиЯ*, *у-дачный сезон* (название телепередачи). В некоторых случаях применяются «инновационные» графемы — цифры, символы (@, \$ и др.), расширяющие возможности традиционного алфавита; ср.: *арu100крат*, *4е-лолек*, *Мурак@ми*, *\$ТОдолларовый* и др. Сохраняя основное лексическое значение, графически видоизмененное узуальное слово увеличивает свой семантический объем, приобретает дополнительные смыслы, становится семантически двуплановым и экспрессивным. Подобные семантические метаморфозы можно отнести к проявлениям «речевой многозначности» слова [1: 176], обусловленной экстралингвистическим контекстом, в частности, знаниями о мире. Речевая многозначность не является свидетельством образования нового значения слова, а следовательно, и нового слова.

К разновидностям графического варьирования слова относятся такие приемы выразительности, как графическая метафора и графическая зевгма, выступающие в качестве средства создания образности и особой — графической — экспрессии. Ср. графические метафоры *ROT\$HIELD*, где знак \$, с одной стороны, равнозначен букве S; с другой — является символом доллара, денег, богатства; *маcТер*, где T выполняет свою обычную функцию и одновременно символизирует молоток; ср. также амплифицирующее нанизывание графической зевгмы, лежащее в основе кроссворда (примеры приводятся из [2: 56–57]).

Таким образом, узуальные слова, видоизменяя свой графический облик, сохраняют семантическую общность. Семантическое тождество графических окказиональных модификаций узуального слова предполагает и некоторые различия (второй смысловой план, наличие дополнительных значений, информация об ассоциативных связях предметов и явлений, оценочность и экспрессивность), не ведущие к образованию нового значения и нового слова.

Из всего сказанного о графических гибридах следует, что имеются достаточные основания для признания последних формальными графическими вариантами слова. Варьирование графического облика узуальных слов — это специфическая игра с текстом, с его формой и смыслом. С одной стороны, это дань моде, с другой — реализация лингвокреативной способности современного человека, его творческого потенциала.

Безусловно, некоторые случаи употребления контаминированных образований можно отнести к кругу словообразовательных явлений. Ср.: БЕСПРЕДЕЛкино, *комтьюТЕРРОРИЗАЦИЯ*, *любовь.ru*. Здесь налицо не только графическое варьирование слова, но и образование окказиональной единицы с новой семантикой.

Трудности, возникающие при квалификации контаминированных единиц, связаны с их периферийным характером. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят уточнить представления о графической деривации и графической вариантности слова, выявить и описать переходные случаи.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тropy и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М., 2004.
3. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неография современного русского языка. М., 2005.

Об одной причине не использования буквы ѐ

И. А. Измestьева

Тольяттинский государственный университет

iz-irina@mail.ru

Звуковые изменения, переход е в о, переход е в ѐ, разговорный язык, поэтический язык, буква ѐ

Summary. The article considers the problem of reflecting in writing of the sound changes results. Transitions of russian e to o, e to ѐ led to the fact that the Russian graphic system faced the choice — which signs to use. One of the reasons in the irregular usage of the russian letter ѐ is explained by the speech style.

Из истории русской графики и орфографии известно, что славянская азбука с принятием христианства на Руси была приспособлена к русской звуковой системе и получила широкое распространение. В кириллической азбуке на протяжении тысячелетней истории существования находят отражение звуковые изменения в области гласных и согласных, в результате чего некоторые буквы оказываются лишними. С появлением новых звуков возникает необходимость в новых буквах, поэтому в результате изменения <е> <о> звук [о] после мягких согласных перед твердыми начинает отражаться в виде написаний — *жонь*, *чорныхъ*, *купьцовъ*, *крьцонь* [8: 52–58]; *теод*, *oreol*, *coveor*, *rosteot* [5: 43]; *іо*, *іо*: *тріоухъ*, *везіошь*, *огніошь* и *ліодь*, *оріоль* [6: 39]. В XVIII в. появляется еще один знак — буква ѐ, однако считалось недопустимым употреблять ѐ в высоком слоге, при возможным использовании в низком [3: 353].

В литературном языке XIX в. допускались рифмы, в которых буква е искусственно приносилась как ѐ, а не как [о] (ѐ): *зовет — соѐтъ* (И. Крылов, «Пестряя овцы»), *нѐтъ — пойдѐтъ* (И. Крылов, «Лебедь, щука и рак»), *пес — чудѐс* (В. Жуковский, «Две загадки»), *присмерев — реѐв* (А. Пушкин, «Обвал») и под. [9: 32–33]. И все же искусственно поддерживаемое церковнославянское произношение постепенно стирается. Об этом пишет Е. Ф. Будде: «Было время, когда... во всех случаях, где ныне мы произносим и в стихах рифмуем слова со звуком 'о' перед следующим твердым согласным или слогом, согласно фонетике русского языка, писатели и вся интеллигенция настоящей во произносили церковнославянское ѐ, чтобы „не упасть в речь подлой черни“, по выражению москвича Сумарокова и Тредиаковского, который особенно преследовал это ѐ (іо)» [1: 16].

В русском образованном обществе в конце XVIII и первые десятилетия XIX в. было известно два типа произношения: произношение разговорного и поэтического языков. Возможно, были носители литературного языка, в речи которых звучания букв *e* и *ѣ* различались. Хотя нельзя исключить, что у некоторых говорящих эти звучания были одинаковы в обычной речи, но различались в высокой речи, в поэтической декламации. Для обычной речи можно предположить влияние различных диалектов. При таком подходе «графическое различие *e* и *ѣ* было наполнено фонетическим содержанием» [7: 39].

Если орфоэпические трудности были разрешимы, то орфографические трудности и ошибки в написании слов с *e* и *ѣ* поставили перед учеными вопрос об освобождении русского письма от лишних букв. Большинство склонялось к той точке зрения, что употребление буквы *ѣ* отражает традиционный принцип орфографии [2: 65].

Ф. Е. Корш, участвуя в полемике вокруг орфографической реформы, предложил закрепить в графике вторую сторону изменения фонемы <*e*> — [e] > [ѣ] и использовать букву *ѣ* так, чтобы показать звук и место ударения: *пѣку́* — *пѣкъ* — *пѣкарь*.

Согласно фонетическому принципу письма Ф. Е. Корш рекомендовал писать через неэтимологический *ѣ* слова, «заимствованные из церковнославянского и других чуждых языков и созданные искусственно по иноязычному образцу», как *вообщѣ*, *нѣбо*, *ѣтхой*, *пѣцѣра*, *воскрѣс*, *бѣздна*, *иѣствовать*, *цѣсарь*, *лѣнта*, *королѣва*, *прѣкт*, *секрѣт* и др., также слова, в которых отвердели согласные: *мѣркнут*, *зѣркало*, *почтѣнный*, *зѣмство*, *лѣжень*, *лѣгче*, *дѣшѣвле*, *овѣи*, *колѣи* и под. [4: 11].

Орфографические рекомендации Ф. Е. Корша соответствовали тому, что в орфоэпии исконно русской лексики достаточно последовательно отразились две стороны изменения фонемы <*e*> > <*o*>, <*e*> > <ѣ>. Смелое и логичное предложение Ф. Е. Корша не удовлетворило сторонников этимологического написания буквы *ѣ*, но очерченный ученым

круг слов с неэтимологическим *ѣ* показателен: такое написание объяснимо фонетическими причинами.

Возникшую графическую неупорядоченность разрешили в соответствии с фонематическим принципом русского письма: в начале XX в. был сделан выбор в сторону буквы *e*, а *ѣ* изъяли из алфавита при условии использования буквы *ѣ*: «Если мы изгонимъ *ѣ*, придется за то ввести *ѣ*» [4: 17].

Таким образом, длительный процесс закрепления на письме фонетического изменения *e* > *o* связан с тем, что переход *e* > *o*, как явление народного языка, долго не проникал в книжный язык. В этом кроется причина неудачи с введением буквы *ѣ*. Пренебрежительное отношение к *o* < *e* было преодолено только ко второй половине XIX века, но отношение к букве *ѣ*, как необязательной, сохранилось до сих пор.

Литература

1. Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век) // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12. СПб., 1908.
2. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологические разыскания. 2-е изд. СПб., 1888.
3. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. Берлин, 1870.
4. Корш Ф. Е. О русском правописании // Отдельный оттиск из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 7. Кн. 1. СПб., 1902.
5. Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619). Л., 1959.
6. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1799.
7. Перцов Н. В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2.
8. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.
9. Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Звук. Формы сочетания слов. 3-е изд. Пг., 1915.

Блогие намерения: к вопросу о правомерности создания так называемых орфографических окказионализмов (на материале языка СМИ конца XX — начала XXI века)

С. В. Ильясова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ilyasova_rnd@mail.ru

Языковая игра, окказиональное словообразование, приемы речевого воздействия

Summary. The paper is dedicated to the analysis of non-traditional word-formation in mass-media at the end of the 20th — beginning of the 21st century. The author of the paper introduces the term orthographical nonce words and displays the variations of their creation and graphical realisation.

На сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнения факт широкого распространения в языке СМИ как языковой игры в целом, так и ее наиболее представительной и поэтому заметной разновидности — словообразовательной игры (далее — СИ). Мощное вторжение СИ в язык СМИ в конце XX века, несомненно, стало одной из причин того, что «Газеты стали живыми, эмоциональными. Их стало интересно читать» [1: 546]. СИ в языке современных СМИ представлена разнообразными способами и приемами (см. [2], [3]). Среди приемов собственно окказионального, или игрового, словообразования наибольшее распространение получила *контаминация*. Вынесенные в заголовок, контаминация обладают мощным эффектом воздействия, напр.: *Беспределькино* (Совершенно секретно. 2003. № 8); *Русская простиТурция* (АиФ. 2005. № 40); *КРЫМЛЕВСКИЕ РАЗБОРКИ* (Версия. 2006. № 23); (АиФ. 2008. № 45); *ВУЗМЕРТЬ* (Версия. 2009. № 3) и т. д. и т. п.

Вместе с тем при всей очевидной яркости, броскости этого приема СИ в целом одна из наметившихся тенденций в его реализации вызывает тревогу. Мы имеем в виду так называемые *орфографические окказионализмы* (термин наш. — С. И.). Под *орфографическим окказионализмом* мы понимаем слово, внешне напоминающее узальное слово, но производящее впечатление его искаженного двойника.

Можно выделить несколько типов нарушений, приводящих к появлению орфографических окказионализмов:

I. Нарушения в написании согласных.

I.1. Удвоение согласного. Это достаточно распространенный прием создания орфографического окказионализма, напр.: *Полный ФИННши* (КП. 26.02.06). Подобные графические окказионализмы, как правило, появляются в результате игры с так называемыми *ключевыми словами*, в роли которых могут выступать как антропонимы, например: *РАСПУ-ГАЛЛА* (Версия. 2007. № 47); *Аллый день календаря* (Известия. 15.04.09), так и топонимы, напр.: *Чем заКАННчивается кино* (КП. 21.05.05); *ДОКАННАЛИ* (Версия. 2006. № 20). В роли ключевых могут выступать и нарицательные существительные, приобретшие частотность, напр.: *Мадонна закаббалилась* (Известия. 08.09.04); *Закаббалили избранных* (Известия. 28.12.04).

Оценивая подобные нарушения, отметим, что риск превращения игры в ошибку при последующем написании узального слова напрямую связан со степенью известности, распространенности слова. В доказательство чего приведем такой пример: *На глазах у саратовцев разыгралась русская МИСстерия* (КП. 20.08.98). Речь в публикации идет о конкурсе красоты, т. е. о выборе очередной *мисс* — слове, частотный характер которого позволяет говорить о том, что оно стало ключевым для нашего времени. В заголовке это слово контаминировано с существительным *мистерия* — «средневековая драма на библейские темы», написание которого вряд ли известно массовому читателю так же хоро-

шо, как слово *мисс*, но сочетание с глаголом *разыгралась* усиливает влияние именно этого компонента контаминации и, как представляется, наличие графического выделения в этом случае будет «работать» на запоминание неверного написания слова *мистерия*.

1.2. Замена одного согласного на другой. Эта разновидность менее распространена, в нашей картотеке она представлена одним примером — имитацией произносительной нормы, ср: *ПоЩИТаемся* (АиФ. 2004. № 43).

II. Нарушения в написании гласных.

II.1. Орфографически-графические окказионализмы. Самыми распространенными в этой группе являются примеры, созданные с использованием приема **капитализации** — написании части слова большими буквами. С одной стороны, капитализация, являясь игровым приемом, сигнализирует о преднамеренном нарушении нормы. С другой — графически выделенный сегмент привлекает внимание и имеет тенденцию к запоминаемости, особенно если игра повторяется, как, например: *Что ПАСЕют чеченцы в Страсбурге?* (КП. 27.01.2000); *Что ПАСЕешь, то и пожнешь* (Известия. 05.04.2000); *Весенний ПАСЕв* (Известия. 15.04.08) и др. Или: *Нас снова ОСКАРбили* (КП. 17.02.2000); *ОСКАРбительный выбор* (Версия. 2006. № 10) и др. Такое настойчивое повторение привычного слова в новом графическом облике может способствовать расшатыванию нормы.

Другую причину опасности мы видим в игре с прецедентными феноменами, где устойчивый словесный комплекс воспринимается целиком, напр.: *УкРАТители автомобилей* (КП. 14.08.07); *КАРОнный номер* (Итоги. 22.10.07); *БЛогие намерения* (АиФ. 2009. № 36).

Опасность игры с орфографической нормой совершенно очевидна в тех случаях, когда обыгрыванию подвергаются слова, которыми массовому читателю знакомы больше по звучанию, нежели по написанию, т. е. графический облик такого слова мог стереться в памяти, напр.: *В Эрмитаже полная КОТавасия* (КП. 01.04.2000); *Красный сон в стиле*

РАКоко (Версия. 2001. № 20); *Последний из МАГикан* (Версия. 2005. № 3); *Российский ГАЗоват* (Версия. 2007. № 2); *СветоПРИСТАвление* (Итоги. 04.02.08). Появление орфографического окказионализма может быть связано с использованием приема **квотации**, напр.: *«ВЕЛИКА»МУЧЕНИКИ* (Версия. 2007. № 25); *«Игла»укалывание* (Известия. 25.04.05). Как видим, при квотации нарушена норма написания сложных слов. Своеобразный орфографический окказионализм может появиться и в результате применения получающего все более широкое распространение приема **графогибридизации** [4: 231], напр.: *Запад читает России НАТАции* (АиФ. 2008. № 15).

II.2. Собственно орфографические окказионализмы.

Рассматриваемый далее тип является орфографическими окказионализмами в полном смысле этого слова, т. к. они не имеют внешних примет игрового слова, поэтому их восприятие в этом качестве — это вопрос компетенции, уровня культуры, следовательно, риск возникновения коммуникативной неудачи в этом случае наиболее очевиден, ср.: *КОТОФАЛК* (Известия. 28.10.04); *ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЛОГОВТВОРИТЕЛЬНОСТЬ* (Версия. 2008. № 39); *МАКСИМАЛЬНОЕ УДОЛЕНИЕ* (Версия. 2009. № 36); *НЕВАЗВРАТ* (Версия. 2009. № 37). В этой группе также можно увидеть примеры нарушения написания сложных слов, напр.: *Разве «китабоек» этим проймешь?* (Известия. 13.03.08).

Литература

1. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
2. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону, 2002.
3. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
4. Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX — начала XXI века // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Межд. конгресс исследователей рус. языка: Труды и материалы. М., 2007. С. 230–231.

Фонетическая система как регулятор звуковых изменений (на материале аффрикатизации мягких взрывных в русском языке)

С. В. Князев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svknia@gmail.com, skv11@yandex.ru

Языковая эволюция, звуковые изменения, аффрикатизация взрывных согласных

Summary. The paper suggests that the affricatization of palatalized dental stops is licensed by the phonetic system of Russian since the duration of the stops' burst may serve as an only reliable acoustic cue for the differentiation of palatalized stops in Russian.

В современном русском литературном языке, по крайней мере, в том его варианте, который распространен на европейской территории России, основной реализацией фонем <т'> и <д'> являются палатализованные аффрикаты [т'с'] и [д'з']. Это явление, получившее название цеканья и дзеканья [1], существует в русском языке уже довольно давно и отмечается еще в самых ранних описаниях русской фонетики [3: 172]. Оно достаточно легко воспринимается на слух любым носителем русского языка, хоть и не всегда ясно осознается им — так, любому преподавателю-диалектологу известен тот факт, что студенты-филологи часто в своих записях обозначают мягкую аффрикату [ц'] севернорусских говоров знаком [т']: [т'aj], [т'ас], [т'асто] и т. п. А. М. Кузнецова убедительно показала, что данное явление свойственно тем вариантам русского языка, важнейшей особенностью артикуляционной базы которых является дорсальный уклад языка при произношении переднеязычных согласных. Таким укладом характеризуются системы с развитым фонологическим противопоставлением согласных по твердости / мягкости, а само цеканье и дзеканье являются результатом сильной палатализации [т'] и [д'] [1: 102]. В настоящем докладе мы предполагаем обсудить вопрос о том, почему этот процесс, имеющий вполне обычную артикуляционную природу, активно поддерживается самой системой современного русского литературного языка (СРЛЯ) — до такой степени, что произношение мягких неаффрицированных зубных, как показывает практика преподавания русского языка как иностранного, в настоящее время может уже рассматриваться как одна из типичных черт иностранного акцента.

Очевидно, что одним из основных требований к звуковому речевому сигналу является требование максимальной его разборчивости и простоты интерпретации с точки зрения слушающего. Хорошо известно, что взрывные согласные — в отличие от щелевых — опознаются преимущественно не по собственным акустическим характеристикам, а по характеру изменений значения второй форманты соседних гласных — в первую очередь, потому, что смычка взрывных согласных не содержит никаких перцептивных ключей, а различия их послевзрывной фазы невелики, а главное, едва ли могут быть надежно зафиксированы слушающим вследствие того, что длительность ее (особенно у губных и переднеязычных согласных) очень мала. Так, в СРЛЯ локусы губных согласных расположены в районе около 500 Гц, зубных — около 1500 Гц (и именно в эти области направлено движение F₂ соседних гласных), а максимум спектральной энергии заднеязычных согласных расположены в области F₂ соседнего гласного (велярные согласные, как известно, сами в большей степени склонны к коартикуляции соседним гласным) и значение F₂ гласного в соседстве с заднеязычными согласными обычно почти не изменяется — см. Рисунок 1. Широко известны также различные перцептивные эксперименты, которые показывают, что один и тот же взрыв согласного может восприниматься как [п], [т] или [к] в зависимости от направления изменения F₂ соседнего гласного [2: 189–195].

Совсем иначе обстоит дело с мягкими согласными — в соседстве с любым палатализованным взрывным вне зависимости от места его образования вторая форманта любого соседнего гласного направлена в район 2200–2500 Гц (см. ри-

сунок 2). Таким образом, данный акустический признак может быть использован только для восприятия твердости / мягкости согласного, а место его артикуляции должно быть опознано только по характеристикам самой послевзрывной фазы — именно это обстоятельство приводит к тому, что случайное артикуляционное изменение удачно вписывается в языковую систему: значительное увеличение длительности этой послевзрывной фазы позволяет надежно отличать палатализованные зубные взрывные от губных и заднеязычных.

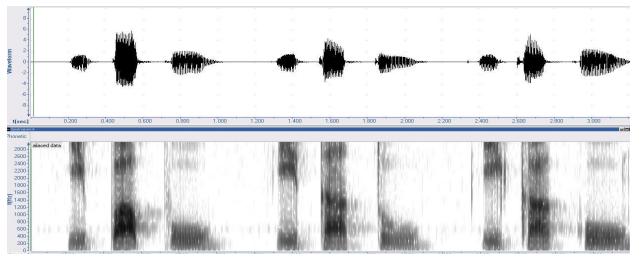

Рисунок 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетаний [ипап], [итат], [икаку].

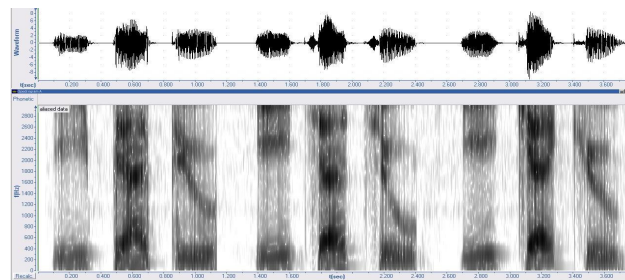

Рисунок 2. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетаний [ип'ап'у], [иг'ат'у], [ик'ак'у].

Литература

1. Кузнецова А. М. Некоторые физические характеристики, связанные с явлением дзеканья в русском языке // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
2. Borden Gloria J., Harris Katherine S., Raphael Lawrence J. Speech Science Primer. Third Edition. Baltimore; Philadelphia; Hong Kong; London; Munich; Sydney; Tokyo. 1994.
3. Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Aufl. 4. Leipzig, 1893.

Источники фонетической интерференции (синтагматический аспект)

О. Н. Короткова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

korolga@mail.ru

РКИ, иностранный акцент, фонетическая интерференция, корректировочный курс русской фонетики

Summary. The paper concerns the problem of phonetic interference. The author analyses the sources of the syntagmatic interference; describes the mistakes Chinese students make when studying Russian phonetics and shows some exercises that help students to eliminate their accent.

Иностранный акцент — сложное языковое явление. Акцент — это отражение в речи интерференции: совокупности взаимосвязанных отклонений от системы и нормы изучаемого языка, возникших в результате воздействия родного языка. Источником интерференции является «каждый момент различия между двумя системами» [3: 22]. Фонетическая интерференция может быть представлена в двух своих разновидностях: парадигматической и синтагматической. Парадигматическая интерференция проявляется в установлении диафонических отношений (термин Хаугена) между фонемами родного и изучаемого языков. Синтагматическая интерференция наблюдается в слоге и фонетическом слове и выражается в нарушении принятых в изучаемом языке законов сочетания единиц. В докладе анализируются китайский акцент в основных контекстах проявления фонетической интерференции в синтагматике (слоге и фонетическом слове), выявляются источники интерференции, намечаются пути устранения китайского акцента в звучащей речи.

Слог является минимальной единицей синтагматики. Физиологическая обусловленность слога деления универсальна. Однако фонемный состав слогов, их тип, количество, положение в слове специфичны для каждого языка. И в русском и в китайском языках представлены все 4 возможных типа слога: полностью открытый (V), полностью закрытый (CVC), прикрытый (CV), закрытый (VC). Однако число подтипов слогов варьируется в зависимости от количества составляющих его элементов. В русском языке это зависит от количества согласных, входящих в слог. В китайском языке — от количества гласных. Так, в русском языке прикрытый слог имеет четыре подтипа: CV (да), CCV (все), CCCV (мзда), CCCC (встреча). В китайском языке не допускается увеличения согласных перед гласным. В русском языке полностью открытый слог, состоящий из одного гласного, не имеет подтипов. В китайском языке вполне допустимы слоги, состоящие как из монофтонга, так и дифтонга или трифтонга: V (а, о), VV (ya, wa), VVV (yao, wei). Различия в подтипах слогов, существующих в русском и китайском языках, служат источником интерференции.

Другим источником интерференции является структура самого слога. Русский слог отличается от китайского количеством входящих в него элементов, а также их последовательностью. Сопоставительный анализ структуры слога в китайском и русском языках позволяет сделать следующие выводы:

а) количественный состав русского слога довольно широк, в него могут входить от одного до 7 звуков (всплеск), в китайском слоге количество звуков не превышает четырех (huan);

б) в русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге, в китайском языке звуки, входящие в состав слога, размещаются в строгом порядке; конечный слог русского слова может оканчиваться любым глухим или сонорным согласным, в китайском языке закрытые слоги завершаются лишь носовыми [п] и [п̃];

в) для китайских слогов характерны дифтонги и трифтонги, в русском слоге они отсутствуют.

Эти различия в структуре русского и китайского слога вызывают интерференцию, которая проявляется в звучащей речи:

1. В слогах, содержащих два и более согласных, наблюдается вставка гласного: CCV → CVCV (*[сѣтѣ] — сто).

2. В слогах, содержащих несколько согласных, происходит усечение одного из них: CVCCC → CVCC (*[пункт] — пункт);

3. В закрытом конечном слоге после согласного появляется гласный: CVCC → CVCCV (*[мѣсть] — мост).

Данные отклонения объясняются влиянием китайского языка, для которого стечения согласных не характерны.

Помимо слога, еще одним контекстом проявления фонетической интерференции является **фонетическое слово**. Для характеристики фонетического слова необходимо учитывать характер ударения. В русском языке ударение динамическое. Ударный слог характеризуется наибольшей длительностью и напряженностью, он подчиняет себе безударные слоги, в которых гласные подвергаются количественной и качественной редукции, и связывает слово в единое целое. В китайском языке ударение тоновое. Каждый слог произносится с определенным тоном, который играет смыслообразительную роль. Различия в фонетической природе словесного ударения в русском и китайском языках являются источником интерференции, которая приводит к следующим отклонениям.

1. Произнесение ударного слога русского слова с большей интенсивностью и более высоким тоном. По мнению Чэнь Цзюньхуа, «использование высокого нисходящего тона для выделения ударного слога объясняется тем, что это движение тона характерно для китайского четвертого тона» [2: 157].

2. Произнесение ударного и безударных слогов с относительно одинаковой длительностью и напряженностью. Данное отклонение объясняется тем, что в китайском языке контраст ударных и безударных слогов практически отсутствует.

3. Выделение каждого слога, что особенно заметно в многосложных словах. Это отклонение вызвано тем, что связь между китайскими слогами является более слабой, чем в русском языке.

Нарушение ритмики русского слова проявляется также в отсутствии качественного изменения безударных гласных. Анализ звучащей речи показывает, что китайские учащиеся не редуцируют русские гласные в безударных слогах: *ж[е]на — жена, ш[о]к[о]лад — шоколад. Особенно устойчив акцент в заударных слогах: *па[м'а]ть — память.

Ритмику русского слова искажает и неверное произношение стечений согласных. Различие в дистрибутивных моделях русского и китайского языков является источником интерференции. При произнесении русских слов со стечением нескольких согласных учащиеся пытаются образовать «удобные» для себя слоги типа согласный + гласный. Это ведет к упрощению групп согласных за счет выпадения

одного из них или вставки гласного между согласными: *п[а]трет — портрет, *са[л'и]фетка — салфетка. В ряде случаев такое произношение приводит к смешению слов: здание — задание, подслушать — послушать. Наблюдается также появление гласного перед стечением согласных в инициальной позиции или в финальной позиции после нескольких согласных: *[ъс]тудент — студент, *от[пускъ] — отпуск.

Детальная система упражнений, учитывающая особенности китайского акцента, разработана в корректировочном курсе русской фонетики и интонации «По-русски — без акцента!» [1]. Примеры наиболее интересных заданий будут приведены в докладе.

Литература

1. Короткова О. Н. По-русски — без акцента! Корректировочный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке. СПб., 2006.
2. Чэнь Цзюньхуа. Курс русской фонетики для китайцев. Пекин, 1997.
3. Weinreich U. Languages in Contact. Finding and problems. New York, 1953.

Модель таймирования гласных в слитной русской речи

О. Ф. Кривнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

okri@philol.msu.ru

Количественная модель, длительность, непрерывная речь, ударные и безударные гласные

Summary. This report presents the results of a series of instrumental and perceptive phonetic studies, united by a common goal — to reveal in a material of coherent speech the steady timing patterns of phonosyntagmas and intonational phrases in Russian speech and represent them as a quantitative model, which could be used as a basis for the rules of duration parameterisation of vowels in automatic synthesis. The working capacity of the proposed model was proved by numerous experiments on automatic Russian speech synthesis on different “donor” voices.

До недавнего времени таймирование [термин **таймирование** или **тайминг** (в широком смысле) относится не только к длительности конкретных единиц, но и к изменениям речевых характеристик во времени, а также обозначает привязку важных акустических событий в речевом сигнале к определенным точкам на временной оси] речевых единиц, в том числе синтагм и их фонетических компонентов, изучались на материале отдельных предложений, произнесенных изолированно или в специальном контексте (т. е. в рамках лабораторной речи). Учитывая, что длительность звуковых единиц зависит от большого числа системно действующих, но гетерогенных факторов, экспериментальный материал подбирался таким образом, чтобы в максимальной степени уменьшить вариативность временных данных, не связанную с действием изучаемого фактора. На таком материале были выявлены основные закономерности таймирования синтагмы и интонационной фразы в русской речи. К таким закономерностям могут быть отнесены (см. [1]; [2]; [9] и многие другие):

1. **Позиционный временной контраст** — увеличение длительности разных компонентов фонетического слова в конечной позиции синтагмы сравнительно с их длительностью в неконечных позициях

2. **Увеличение длительности гласного в абсолютном исходе синтагмы**, независимо от места ударения, т. наз. конечное продление

3. Зависимость длительности сегментов от **акцентно-ритмического контура** синтагмы

4. Зависимость **общего темпа** произнесения синтагмы от ее **фонетической длины** (тенденция к изохронии), типа интонационного оформления и коммуникативной значимости.

Перечисленные явления привлекали внимание исследователей в разной степени и поэтому обеспечены различной эмпирической базой. Однако, общим моментом было то, что исследователи ограничивались чисто феноменологическим рассмотрением временных свойств речи. Между тем количественные показатели не менее важны, чем качественные закономерности. Без их знания невозможно построение формализованного описания временной структуры речевых единиц, создание автоматических систем синтеза и распознавания речи (одна из немногих количественных моделей для русского языка была разработана в целях автоматиче-

ского синтеза речи и описывается в работе [7]), проведение типолого-сопоставительных исследований.

В связи с последним важно отметить, что указанные выше закономерности таймирования, если их рассматривать только в качественном аспекте, являются достаточно пространственными, если не универсальными. Об этом свидетельствуют результаты исследований на материале разных языков [13]; [14]; [10]; [11]. Языковая специфика находит свое выражение именно в их количественных характеристиках. Однако, как справедливо отмечает Р. Г. Потапова [8], при сопоставительном анализе такие характеристики учитываются редко, и в результате временная организация речи в сопоставительном плане остается далеко не изученной. Можно добавить, что отсутствие надежных количественных данных для главных факторов, воздействующих на длительность звуков в слитной речи, в различных просодических контекстах, не позволяет считать достаточно изученной и временную организацию русской речи.

Нами была осуществлена серия фонетических исследований, объединенных общей **задачей** — выявить на материале связной речи устойчивые закономерности во временном оформлении фоносинтагм и представить их в виде количественной модели, которая могла бы лечь в основу правил временной параметризации русской речи. Полученные результаты описаны в публикациях [3]; [4]; [12]; [5] и кратко излагаются ниже.

Материал и методика исследований. В качестве экспериментального материала был использован фрагмент из научного лингвистического текста, прочитанный «с листа» диктором-лингвистом, носителем московской произносительной нормы, со средним индивидуальным темпом произнесения (общее время звучания текста около одного часа.). Озвученный текст был подвергнут далее аудиторскому анализу с целью выделения в нем фоносинтагм и интонационных фраз. В результате был сформирован экспериментальный массив фоносинтагм, включающий 505 единиц. Данные о длительностях отдельных звуков и более крупных речевых отрезков были получены на основе визуального анализа аналоговых и цифровых осциллограмм с учетом синхронных спектральных данных и с использованием слухового контроля.

На основании результатов инструментально-статистического анализа была разработана **количественная модель**

временной схемы синтагмы, позволяющая прогнозировать длительности ударных гласных, а при небольшом расширении и длительности всех гласных, в соответствии с их метрической силой в ритмической схеме высказывания (в условиях нормального темпа произнесения).

Важнейшие положения, из которых мы исходили при разработке модели, таковы:

Все факторы, воздействующие на длительность ударных гласных в синтагме, можно разделить на две группы: **растягивающие** и **сокращающие**. К первым в эмоционально нейтральной речи относятся положение гласного в абсолютном исходе синтагмы перед паузой и положение под сильным смысловым акцентом. Ко вторым естественно отнести те факторы, которые вызывают уменьшение длительности гласного относительно контекста, в котором при отсутствии действия растягивающих факторов длительность гласного максимальна. Таким контекстом является однословная синтагма, представляющая собой закрытый слог (или открытый при отсутствии после гласного паузы). Этот контекст можно назвать сильной позицией по длительности, в нем наиболее отчетливо реализуется **собственная** длительность гласного (T_0). Относительно этого контекста в качестве сокращающих выступают такие факторы, как **слоговая длина слова (S)**, **неконечная позиция (P-нк)** и **расстояние слова от начала синтагмы (N)**. При максимальном воздействии этих факторов проявляется эффект **несжимаемости** с реализацией гласных в их **предельных** длительностях (T_{np}). Разность ($T_0 - T_{np}$) характеризует **временной потенциал** гласного.

В соответствии с принятыми допущениями длительность ударного гласного $\Gamma_{уд}$ в синтагме при отсутствии растягивающих факторов можно представить в виде следующего выражения (при нормальном темпе произнесения):

$T_{S,P,N}(\Gamma_{уд}) = (T_0 - T_{np}) \cdot A^{S-1} \cdot B^P \cdot C^N + T_{np}$, где A — показатель сокращающего воздействия слоговой длины слова, S — число слогов в слове; B — показатель позиционно-ритмического сокращения; P — может принимать два значения: 0 — под синтагматическим ударением в конечной позиции, 1 — вне синтагматического ударения в неконечной позиции; C — показатель сокращающего воздействия удаленности слова от начала синтагмы, N — число слов, предшествующих данному в синтагме (или, иначе говоря, порядковый номер слова минус единица. T_0 и T_{np} — соответственно собственная и предельная длительности гласного.

В приведенном выше выражении константы T_{np} , T_0 , A , B , C могут быть определены эмпирически на основе анализа представительного и фонетически разнообразного массива временных данных.

С учетом полученных нами оценок для указанных констант модель таймирования ударных гласных в синтагме выглядит следующим образом:

$$T_{S,P,N}(\Gamma_{уд}) = (T_0 - T_{np}) \cdot 0,82^{S-1} \cdot 0,20^P \cdot 0,90^N + T_{np}$$

Проведенное тестирование свидетельствует о хорошем согласии модели с эмпирическими данными. Это подтверждается также нашими работами по автоматическому синтезу русской речи с применением модели на разных «донорских» голосах [6].

Литература

1. Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
2. Златоустова Л. В., Фролова И. Г. и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.
3. Кривнова О. Ф. Динамика темпа в синтагме // Фонетика-83 (материалы к X Международному конгрессу фонетических наук). М., 1983.
4. Кривнова О. Ф. Количественная оценка воздействия супrasegmentальных факторов на длительность ударных гласных в синтагме // Тез. докладов Вс. школы-семинара АРСО-12. Новосибирск, 1984. С. 6–7.
5. Кривнова О. Ф. Временная структура синтагмы в связанном тексте // Экспериментальный фонетический анализ: проблемы и методы. Вып. 2. Л., 1989.
6. Кривнова О. Ф. Алгоритмы просодического оформления синтезированных высказываний // Тез. докладов Вс. школы-семинара АРСО-17. Ижевск, 1992.
7. Кузнецов В. Б., Отт А. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «Буква — звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
8. Потанова Р. К. Сегментно-структурная организация речи. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук Л., 1981.
9. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
10. Klatt D. Interaction between two factors that influence vowel duration // Journal of the Acoustical Society of America (JASA). 1973. V. 54. P. 1102–1104.
11. Klatt D. Linguistic uses of segmental duration in English: acoustic and perceptual evidence // Journal of the Acoustical Society of America (JASA). 1976. V. 59. P. 1208–1221.
12. Krivnova O. F. Durational Patterns of Russian Syntagma: The Standard Scheme and its Modifications. // Proc. of the XI-th Int. Congress of Phonetic Sciences. V. 5. Tallinn, 1987. С. 122–125.
13. Lehiste I. Suprasegmentals. Cambridge, Mass.; London, 1970.
14. Lindblom B., Lyberg B., Holmgren K. Durational patterns of Swedish phonology: do they reflect short-term motor memory processes? Bloomington, 1981.

Теория русского письма в лингводидактических изданиях начала XX века

Ж. В. Леонова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

zhannaleonova@yandex.ru

Принципы русской орфографии, орфографические дискуссии начала XX века

Summary. These theses are devoted to the questions of the theory of Russian spelling which were debatable in the beginning of the 20th century and remain actual for modern linguists.

В начале XX века к вопросам теории русской орфографии обратились не только ученые-лингвисты, но и учителя-словесники, активно выступавшие за реформирование системы правописания «в целях более успешного изучения грамоты и родного языка» [4: 29]. Цель данной работы — проанализировать, на каких основаниях предлагали унифицировать систему русского письма учителя-методисты, которые непосредственным образом все теоретические установки внедряли в каждодневную правописную практику.

1. Фонетическое основание

как основа преподавания русского языка в школе

Убеждение в том, что «фонетический принцип вполне правдивен и вполне осуществим» высказывал учитель Г. С. Михайлов-Мучкин [3: 7]. Например, для написания проверяемых сомнительных гласных и согласных он предлагает «руководствоваться простыми правилами об отыскании настоящего звука по сомнительному» [3: 8], т. е. гласные следует ставить под ударение, а согласные — перед гласными.

Таким образом, провозглашая фонетический принцип ведущим, Михайлов-Мучкин включает в него и принцип поиска сильной позиции для написания сомнительных звуков (т. е. фонематический). И тогда, по его мнению, не будет больших расхождений при написании слов, а значит, орфография будет удобной и для пишущих, и для читающих. Михайлов-Мучкин поясняет, что «по фонетическому принципу нельзя написать вместо *воз*, *вос* или вместо *вода*, *вада*. А чтобы безошибочно написать эти слова, надо определить сначала, не сомнительные ли тут звуки *a* и *c*, и отысканием их идеальной формы (подставить гласную под ударение, согласную поставить перед гласной, или другим каким-либо из указываемых грамматикой способов) обнаружить настоящее их произношение» [3: 9]. В данной трактовке определение «идеальная форма звука» созвучно термину «фонема», из этого следует, что, провозглашая письменно фонетическим, автор проводит идею фонематического основания русской орфографии. Весь исторический балласт в орфографии (традиционные написания. — Ж. Л.) Михайлов-Мучкин на-

зывает «большой искусственностью письма» [3: 40]. И выход из ситуации он видит в *создании теоретически обоснованного и практически применимого правописания* (курсив мой. — Ж. Л.), чтобы создать «будущим поколениям более благоприятные условия для изучения русской грамоты» [3: 16].

2. Морфологические написания — основа русской орфографии

Известный русский методист П. О. Афанасьев отмечает, что упрощение русской орфографии необходимо т. к. «разнообразии принципов, полагаемых в основу нашего правописания и применяемых при том же довольно непоследовательно» (курсив мой. — Ж. Л.), создает немалые затруднения [1: 58]. С точки зрения директора Поливановской учительской семинарии, орфографию невозможно построить на фонетической основе. Выделяя в русском правописании такие принципы, как фонетический, морфологический (отметим, что автором употреблен именно этот термин), исторический или принцип традиции, принцип написания иностранных слов, принцип дифференциации написаний, Афанасьев подчеркивает, что наиболее широко в русском письме применяется принцип морфологический. «Преимущество морфологического письма заключается в том, что оно, главным образом обеспечивает понимание (узнавание) написанного, устанавливая самим написанием связь между отдельными морфологическими частями слова и их значениями в родственных словах: мы пишем одинаково известные морфологические части в словах сходного значения — «город, городу, городов, городской» и т. д. Нам легче схватить родство в значениях этих слов при таком написании, чем при написании, близком к фонетическому: «горыт», «горыду», «гырадоф», «гырыдавой» и т. д. [1: 58]. При всех отмеченных выше достоинствах морфологический принцип в русском письме, по мнению Афанасьева, является непоследовательно проведенным: «он иногда делает уступку принципу фонетическому, напр., „лесница“ наряду с „лезть“ и тому подобные случаи» [1: 59].

На основании приведенных фактов и примеров П. О. Афанасьев приходит к выводу, что главной целью реформы правописания должно быть устранение *непоследовательного применения тех или иных принципов* (курсив мой. — Ж. Л.). Но в то же самое время учитель-методист уверен, что невозможно разрешить всех противоречий в вопросе обучения орфографии в школе, потому что «всякое правописание,

даже самое упрощенное, не может лишить его известной искусственности и условной нормировки, поскольку оно должно явиться одинаковым для очень большого количества лиц, принадлежащим к разным диалектическим группам» [1: 59–60].

3. Компромисс принципов — фонетического и этимологического — основа русской орфографической системы

«Сбивчивость» некоторых правил правописания отмечает П. Л. Маштаков в своем учебнике «Грамматика русского языка для самообразования»: «В особенности сбивчиво правописание в приставках: *воз, из, низ, раз* изменяют букву *з* в *с* перед глухими звуками, напр. *воскресение, исчезать*, но перед *с* (тоже глухой звук) эта буква не изменяется: *разказ, возстановить*» [2: 25]. Причину таких двойственных написаний Маштаков видит в том, что современное русское правописание весьма непоследовательно (эту основную причину трудности усвоения орфографии отмечают практически все учителя и лингвисты, занимающиеся проблемами письма. Два основания, по мнению Маштакова, — фонетическое и этимологическое — должны быть положены в основу русской орфографии.

4. Теоретическая обоснованность и практическая последовательность — основание русской орфографии

Таким образом, все передовые педагоги начала XX столетия воспринимали реформу как прогрессивное начинание, продиктованное стремлением сделать русское письмо более доступным для широкого круга лиц. Особого внимания заслуживает тот факт, что в начале XX столетия учителя-методисты, выступая со своими предложениями по усовершенствованию русского письма основывались на *строгую продуманную систему научных взглядов*, осознавая, что внедрение в практику новых методик орфографии невозможно без решения теоретических задач.

Литература

1. Афанасьев П. О. Методические очерки о преподавании родного языка. 1914.
2. Маштаков П. Л. Грамматика русского языка для самообразования. М., 1909.
3. Михайлов-Мучкин Г. С. Совершенствование русской грамоты и правописания — в теоретическом основании и практическом решении вопроса. Одесса, 1905.
4. Чернышев В. Упрощение русского правописания. СПб., 1905.

О формировании узуальных графико-орфографических норм письменной разговорной речи

Е. И. Литневская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
litn-elena@mail.ru

Разговорная речь, письменные жанры, интерференция, узуальная норма в сфере письма

Summary. Ways of reflection of colloquial Russian created in internet-genres and SMS-messages rapidly permeate modern fiction.

Разграничение устной и письменной формы предъявления текста, с одной стороны, и разговорной речи и кодифицированного литературного языка, с другой, отмечено еще в [9: 13–17], однако исследования в области спонтанной письменной разговорной речи носят пока фрагментарный характер.

Одной из особенностей современного этапа развития языка является появление новых форм письменной разговорной речи, связанных в первую очередь с распространением новых носителей — компьютеров, соединенных в глобальные сети, и сотовых телефонов, позволяющих вести смс-переписку. При этом письменное общение происходит в режиме реального времени (on-line) или в приближенных к этому режиму условиях. Эти формы письменной речи проявляют себя в таких основных жанрах, как чаты, форумы, гостевые книги и другие формы интерактивного общения, переписка по электронной почте, смс-сообщения. При этом на наших глазах возникает ощутимое влияние особенностей данных форм на такие неспонтанные жанры, как рекламные тексты, «креатифф», а также тексты многих современных «бумажных» произведений.

Характерной особенностью исконных сетевых жанров, например чатов, является то, что они сочетают устную разговорную речь и письменную форму ее передачи в услови-

ях, приближенных к условиям устной разговорной речи. Однако уровень технологий пока не позволяет вести голо-совое общение, нет между собеседниками и визуального контакта. Нехватка при непринужденном разговоре невербальных (жесты, мимика, позы и т. п.) и паравербальных (тон, тембр, скорость, паузы) средств нуждается в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны.

Паравербальные средства (темп, паузы, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации, а также при помощи разных буквенных регистров и многократного повторения букв, при этом количество точек часто означает длину паузы, а количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций. Громкость, как правило, передается выделением текста прописными буквами, или «капсом». Заглавными буквами может выделяться также особо значимая для отправителя информация.

Большим изменениям в чатах подвергается орфография. В буквенном оформлении морфем главным из отклонений от нормативной орфографии является увеличение числа слов, написанных в соответствии с фонетическим принципом. Отклонения от орфографической нормы могут носить ситуативный характер или быть традиционными, общепри-

нятыми: *чё* вместо *что*, *щас* вместо *сейчас*, *ваще* вместо *вообще* и др.; именно эти слова и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, употребляет Л. А. Капанадзе в своих записях звучащей речи [2: 89–90].

По большей части подобным образом записываются слова, употребляемые настолько часто, чтобы их запись в «новой» орфографии стала привычной. Подобное написание не носит повсеместного характера, однако формирование узальной нормы настолько ощутимо, что слова *ща*, *щас* (= сейчас), *ваще* (= вообще), *тыща* (=тысяча) и другие внесены составителями в словарь Т9 сотового телефона — наследника многих приемов, разработанных в интернет-жанрах коммуникации.

Уникальной особенностью жанров on-line коммуникации является разработка специальных способов выражения интенций. Сложные прагматические интенции и даже целостные речевые акты могут передаваться ТЛА (трехбуквенными сокращениями) или отдельными пиктограммами — смайликами. Вопросительный и восклицательный знаки могут заменять целое высказывание. Бывает, что содержательная сторона коммуникации редуцируется до минимума, и коммуникация начинается представлять собой лишь обмен прагматическими интенциями.

Еще одним из жанров письменной разговорной речи является смс-переписка, которая развивает еще больше стандартных и индивидуальных компрессивно-компенсаторных средств.

Как и в чатах, на клавиатуре телефона сложно создать курсив и полужирный шрифт, так что в ассортименте графических средств остаются строчные и прописные буквы, пробелы, знаки препинания и специальные иконки, вносимые в готовом виде.

Прописные буквы в целом используются в тех же функциях, что и в чатах. Это в первую очередь выделение особо значимых слов, смыслового центра высказывания. Часто именно это слово должно произноситься эмоционально и громко, что обычно сопровождается постановкой нескольких восклицательных знаков.

Ограниченность сообщения в объеме знаков может приводить к повышенному вниманию к пробелам. Отсутствие пробела между предложениями, его частями или обособленными оборотами является обычным делом. Более того, при необходимости сэкономить пространство возможно отсутствие пробелов между соседними словами, но в этом случае каждое слово пишется с прописной буквы. Особенности телефона как носителя текста породили и другие приемы, неведомые письменным разговорным интернет-жанрам.

Вольное обращение с графикой, орфографией и пунктуацией все шире выходит за рамки on-line общения и все чаще попадает в «бумажную» литературу. С. М. Кузьмина отмечает, что в литературе «возрастает роль авторской орфографии, то есть намеренное отступление от орфографической нормы, отражающее пристрастия пишущего или его стремление использовать и этот элемент с определенной целью» [4: 410], а Л. П. Крысин замечает, что в постсоветский период «показательно давление речевой практики на традиционные нормы в области орфографии» [3: 310].

Если отображение в репликах персонажей акцента или дефектов речи имеет давнюю традицию, то игра с регистрами, шрифтами и знаками препинания — относительно новое приобретение. При этом автор художественного произведения не ограничен в технических средствах: к принятым в перечисленных выше жанрах приемам он может добавить и курсив, и жирный шрифт, и свободное совмещение кириллицы и латиницы.

Наиболее частым и достаточно традиционным в литературе отклонением от графико-орфографических норм является отражение в художественном тексте особенностей произношения героя. Это может быть постоянный или временный дефект речи, иностранный или диалектный акцент, например: «— Вехоятно, собихался не пускать... Но я его схазу выхубил. На всякий случай. (Он одновременно грассировал и по-волжски окал.)» [8: 85]. Как видим, Дина Рубина одним из традиционных способов обозначает грассирование, но совершенно нетрадиционно обозначает оканье — выделяет *о* курсивом в пределах слова, написанного прямым шрифтом.

При этом автором может быть принято парадоксальное решение. Так, Виктория Платова при обозначении акцента

героя-черкеса использует не только написание *вчэра*, отражающее твердость [ч], но и написание частицы *жэ*; как мы понимаем, согласный [ж] твердый и это оформление фонетически не мотивировано, однако текст рассчитан на зрительное восприятие, а написание *жэ* выглядит «не по-русски», и в этом одна из условностей письменной формы существования разговорной речи.

Подобную же условность представляет собой употребление слов типа *щас*. Соответствующие всеобщему компрессивному разговорному произношению, эти слова тем не менее призваны указать на особую просторечность или становятся сигналом речевого портрета персонажа, не владеющего литературным произношением.

Особо интересно использование в текстах художественной литературы устойчивых выражений «афтарского языка»: эти выражения начинают маркировать уже не просторечность или плохое владение литературным языком, а принадлежность персонажа к особой субкультуре: «Лапа, — невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. — Афтомат жжот» [5: 105]. (Как мы понимаем, будучи написанным в орфографии КЛЯ, это выражение может быть не опознано читателем как одна из распространенных идиом «языка падонкаф»).

В современных текстах находит отражение новая лингвокультурная ситуация, при которой ожидаемым является хотя бы минимальное владение английским языком: многие английские слова и выражения встречаются без перевода: «Эта мыслишка почему-то развеселила и Динку: show must go on, даже такое — дешевое и хлипкое» [6: 355].

Чрезвычайно интересный графический прием использован Борисом Акуниным в романе «Квест». Из героя готовят шпиона для засылки в СССР, причем обучение русскому языку он проходит во сне: «— Moj dyadya samyh chestnych pravil... — пролепетал Галтон, хлопая глазами. — Ya priblizhalsya k mestu moego naznacheniya... Ya pomnyu chudnoye mgnoveniye ... Господи, что я бормочу? Что за бред?» [1: 55]. Герой цитирует Пушкина, но смысла не понимает, что и передано транслитерацией этих цитат, легко узнаваемых всеми русскими читателями. Как мы понимаем, сама возможность такой записи опирается на представление автора о том, что современный читатель владеет латиницей и знает правила транслитерации, сталкиваясь с ними в современной жизни (в том числе и при смс-общении: многие русскоязычные пользователи до сих пор используют в смс-общении транслитерацию русских слов на латиницу).

В современной художественной литературе используются и такие ненормативные в КЛЯ приемы, как графические сокращения («Текст оч. хор. Оч. свеж и нов. И главное — оч. похож. На нас» [6: 363], а также капс и отсутствие пробелов: «Вряд.ЛиТыОнаСДумалаГекПогиб. Вот так, безо всякой интонации, плотно подогнав слова друг к другу и оставив лишь небольшие зацепки, зазоры, выступы, чтобы, ухватившись за них и подтянув тело, можно было добраться до вершины смысла: ГЕК ПОГИБ» [6: 277]. Как мы видим, часть текста написана капсом, который выполняет здесь ту же функцию, что и в on-line жанрах, — выделение особо значимой информации.

Указанные нами графико-орфографические вольности свойственны многим современным писателям, в целом следующим принятым в КЛЯ нормам. Современная художественная литература, таким образом, использует и развивает как специфические приемы языковой игры на уровне графики и орфографии, так и приемы, связанные с интерференцией письменных жанров разговорной речи.

Литература

1. Акунин Б. Квест: Роман — компьютерная игра. М., 2009.
2. Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы: Избранные работы по русскому языку. М., 2005.
3. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007. С. 307–315.
4. Кузьмина С. М. Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ред. Л. П. Крысин. М., 2008.
5. Лукьяненко С. Последний дозор. М., 2006.
6. Платова В. Любовники в заснеженном саду. М., 2004.
7. Платова В. Тингль-Тангль. М., 2006.
8. Рубина Д. Камера наезжает!. М., 2008.
9. Русская разговорная речь / Ред. Е. А. Земская. М., 1973.

Запятая в русской и китайской письменной речи

Я. П. Полухина, Хань Инсюй

Тюменский государственный университет, Цюйфуцунский государственный педагогический университет (Китай)

yanessa7@yandex.ru, hanyingxu322551@126.com

Принципы русской и китайской пунктуации, случаи постановки запятой

Summary. The paper gives the comparative analysis of Russian and Chinese punctuation and describes the cases of comma placement match and mismatch.

При обучении китайских студентов письменной русской речи следует обратить особое внимание на постановку знаков препинания.

Типичные пунктуационные ошибки китайцев во многих случаях легко объяснить, если проанализировать правила китайской пунктуации. И в этом случае знание принципов постановки знаков препинания в китайском языке поможет преподавателю доступно объяснить студентам причины их пунктуационных ошибок в русской письменной речи.

Пунктуацией мы называем совокупность правил постановки знаков препинания. В основе русской пунктуации лежит три принципа: формально-грамматический (употребление знаков обусловлено строением предложения, его синтаксической структурой), логически-смысловой (обусловленность смысловым членением речи), интонационный (обусловленность знака интонацией). Не всегда знаки препинания в русском языке подчиняются всем трем принципам, их постановка может быть продиктована только одним из них. Например, случаи авторской пунктуации.

Традиция употребления знаков препинания в китайском языке значительно моложе русской и на сегодняшний день является малоизученной как китайскими, так и русскими лингвистами. Принципы китайской пунктуации четко не определены, но Чжао Юньпин утверждает, что здесь также можно говорить о трех принципах: «членение текста по значению, разграничение групп слов и предложений, передача интонации» [2: 450].

Однако при сравнении обеих систем можно увидеть, что ведущим принципом пунктуации в русском языке является формально-грамматический, а в китайском языке — интонационный. То есть употребление знаков препинания в русском языке обусловлено, прежде всего, строением предложения, его синтаксической структурой, и только отчасти отражает интонацию. В китайском же пунктуация служит в первую очередь обозначению пауз, интонации.

Поскольку наибольшее количество типичных ошибок китайских студентов связано с постановкой запятой в русском тексте, в данной статье мы хотели бы обратить внимание на случаи постановки этого знака в русском и китайском языках.

В китайском языке случаев постановки запятой гораздо меньше, чем в русском. Кроме того, существует два графических начертания запятой: обычная и каплевидная («,» и «、»). Эти два знака отличаются и интонационно — каплевидная запятая соответствует более короткой паузе.

Каплевидная запятая употребляется при однородных второстепенных членах предложения с интонацией перечисления: 我今天、明天都有功夫。Я и сегодня, и завтра свободен. 他把这本书、那本书都看过了。Он и эту, и ту книгу прочел.

Однако при противительных отношениях между однородными используется обычная запятая: 我需要的不是钢笔、而是钢笔。Мне нужен не карандаш, а ручка. 我不是写字、而是看书。Я не пишу, а читаю.

Такая же запятая используется при однородных членах с соединительными, разделительными и сопоставительными отношениями: 我们不但要工作、而且也要读书。Нам нужно не только работать, но и учиться. 你看这本书、还是那本书? Ты читаешь эту или ту книгу? 他不是去戏院看戏、就是去老朋友家打牌。(巴) Он если не шел в театр посмотреть пьесу, то отправлялся к старым друзьям поиграть в маджонг.(Ба)

Между однородными членами предложения с зависимыми словами также ставится обычная запятая: 她兴趣广泛、唱歌、跳舞、打篮球、她都喜欢。У нее разносторонние интересы: петь, танцевать, играть в волейбол — ей нравятся все.

То есть перечисление распространенных однородных членов требует большей паузы, чем перечисление нераспространенных.

Обычная запятая в китайском языке ставится:

1. Между подлежащим и сказуемым:

а) если группа подлежащего слишком распространена (в устной речи соответствует интонационной паузе): 我们看得见的星星、绝大多数是恒星。Увиденные нами звезды преимущественно являются неподвижными.

б) если нужно акцентировать внимание на подлежащем: 梦、就是理想。Сон — это только мечта.

Эту синтаксическую конструкцию по структуре можно сравнить с именительным темой (или представлением) в русском языке, который определяют как «именительный падеж существительного, называющий предмет или лицо с целью вызвать представление о них» [1: 78].

в) если после подлежащего есть частица, служащая для паузирования: 莫斯科啊、是个不错的地方。Москва — неплохое место.

г) при обратном порядке слов (сказуемое предшествует подлежащему): 出来吧、你们! Выйдите, вы! 怎么啦、你? Что случилось с тобой?

2. Между сказуемым и распространенным дополнением, если нужно подчеркнуть паузу: 应该看到、科学需要一个人贡献毕生的精力。Нужно понимать, что человек должен отдавать науке энергию всей своей жизни.

3. После обстоятельств места и времени, находящихся в начале предложения: 在苍茫的大海上、狂风卷着乌云。(高尔基) Над седой равниной моря ветер тучи собирает.

4. При вводных словах, обращениях, междометиях, звукоподражаниях: 依我看、我们图书馆应该有这本书。По-моему, эта книга должна быть в нашей библиотеке. 我有问题要问您老师。У меня к вам вопрос, учитель. 哎呀、想不到是你来了! Ой, ты так неожиданно приехал! 砰砰、当我在擦枪时、响起了敲门声。Тук-тук, когда я чистил пистолет, раздался стук в дверь.

5. При инвертированных второстепенных членах предложения:

а) запятой отделяется инвертированное дополнение, если оно занимает место перед подлежащим: 这位姑娘、我见过。Эту девушку я уже встречал.

б) запятой отделяется инвертированное определение, если оно находится после определяемого слова: 荷塘四面、开着许多花、五颜六色的。Вокруг пруда цветет много цветов, разноцветных.

в) запятой отделяется инвертированное обстоятельство, если оно стоит после подлежащего: 我们的祖国正高速度地向前跃进、沿着胜利的道路。Наша Родина гигантскими скачками движется вперед, по пути победы.

6. После иностранных фамилий, перед инициалами: 罗宾斯、R. H. — 英国语言学家。Р. Г. Робинс — английский лингвист.

7. Между частями сложного предложения, если нужна пауза (за исключением случаев, когда нужна точка с запятой): 风息了、并且雨也住了。Ветер стих, и дождь перестал.

Особенностью китайского письменного текста является также отсутствие запятой при сравнительных оборотах: 光阴似箭、日月如梭。Время летит, как стрела (Время подобно стреле, дни и месяцы словно челнок).

В остальных случаях правила постановки запятой в китайской пунктуации схожи с русскими.

Литература

1. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2003.
2. Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М., 2003 (на китайском языке).

Примечание: Некоторые из приведенных в статье примеров взяты из следующих источников:

- Горелов В. И. Практическая грамматика китайского языка. М., 1957.
Хуан Бо Жун, Ляо Сюй Дун. Современный китайский язык. Пекин, 2004 (на китайском языке).

Актуальные направления исследований русской интонации (к методологии раздела «Интонация» Интернет-курса «Фонетика русского языка»*)

В. В. Потапов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kedr@philol.msu.ru

Интонология, интонация, тон, интонема, мелодика высказывания

Summary. In modern studies the intoneme is considered as the synthesis of several acoustic parameters, including register, pitch interval, pitch form etc. The perception of intonation presupposes formalized intonation constructions that can be recognized by the majority of native and non-native speakers.

В настоящее время интонационные исследования проводятся, с одной стороны, на материале одного конкретного языка, а, с другой стороны, на материале нескольких языков с выходом в типологию интонаций родственных и неродственных языков (и языковых союзов).

Вначале использовалось одно понятие — *тон*, позже *интонема* — это определенным образом синтез нескольких акустических параметров. В тоне или мелодике оказались важными более дробные показатели: не только направление, но и *регистр*, *интервал*, *крутизна*, *таймирование тонального движения* (см. об этом подробнее: [9]).

Весь огромный пласт накопленных за последнее время работ по интонации необходимо разбить на два основных направления.

Первое направление — это опора на перцепцию индивидуума, формализация нескольких интонаций до уровня возможного различения, и вследствие этого — возможность преподавания и проведения некоторых исследований с использованием данной интонационной формализованной шкалы. Это направление основывается на выделенных Е. А. Брызгуновой интонационных конструкциях (ИК) [1]; [2].

Усвоение интонации русского языка связано с формализованными ИК, которые могут быть распознаваемы большинством носителей и индивидуумов, не являющихся носителями конкретных языков. Иными словами можно сказать: важно то, что перцептивно значимо и различимо большинством реципиентов. Позитивным в интонационной системе по Е. А. Брызгуновой является то, что ИК перцептивно значимы в процессе преподавания интонации русского языка (и русского языка как иностранного).

Второе направление — это вся совокупность экспериментальных изысканий в области интонологии, включающее в себя продолжение уточнений (подтверждающих, не подтверждающих или частично не подтверждающих) перцептивной формализованной шкалы ИК (по Е. А. Брызгуновой) (см., например, [5]; [10]).

Можно назвать целый ряд работ по продолжению детализации ИК с позиции «тональных акцентов» [10]; [11] или «тональных просодических средств» [3]; [4]; [6]; [7] и др.).

Просодические средства, используемые для выражения в речи того или иного смыслового оттенка, связаны с функциональными возможностями преимущественно тональных просодических средств, которые традиционно принимаются во внимание при обучении *выразительности звучания* [7].

Усовершенствованию и детализации в области экспериментального исследования интонации нет предела. Многие из таких подходов к данной проблематике зависят прежде всего от перцептивных особенностей индивидуумов. Ранее об этом писал еще А. А. Реформатский [14], разграничивая, с одной стороны, углубленное исследование речевой матери при помощи машины (то есть компьютера), а с другой, — все то, что может воспринимать человеческое ухо.

Существуют данные по восприятию и продуцированию интонации иностранного языка, когда при анализе интонационных ошибок отклонения от интонационного эталона аудиторами оцениваются преимущественно в эмоционально-модальном аспекте [12].

Кроме того, как показали наши наблюдения, опорным признаком при усвоении интонационного строя русского языка является мелодическая составляющая, то есть мелодика высказывания, реализующаяся на базе изменения частоты основного тона говорящего. Доминантная роль мелодики в русской интонации была отмечена ранее в ряде экспериментальных исследований, в частности, на материале сопоставительного восприятия интонации для носителей русского и немецкого языков. «...для носителей немецкого языка при... восприятии... опорным фонетическим средством является тембр (75%)... Что же касается восприятия... носителями русского языка, то... опорным фонетическим средством оказалась мелодика (70%)...» [13: 614–615].

Литература

1. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.
2. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 96–122.
3. Касаткин Л. Л. Основные интонационные тональные контуры (ТК) русского литературного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 479–486.
4. Касаткин Л. Л. Русская интонация: тональные контуры // Проблемы фонетики. Вып. 5: Сб. статей. М., 2007. С. 250–266.
5. Кейстер К. Э. О семантических основаниях описания Е. А. Брызгуновой русской интонации // Проблемы фонетики II. Сб. статей. М., 1995. С. 216–227.
6. Кодзасов С. В. Интонация как показатель актуальности речевого действия // Труды Межд. Семинара «Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям» (Пушино, 4–9 мая 1996 г.). М., 1996. С. 112–114.
7. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001.
8. Надеина Т. М. Homo sapiens prosodicus // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008. С. 14–22.
9. Николаева Т. М. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008. С. 43–52.
10. Оде С. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики II. Сб. статей. М., 1995. С. 200–215.
11. Оде С. Что такое тональный акцент? На примере интонации русского языка // Жизнь языка и язык в жизни: Сб. статей, посв. юбилею Э. Д. Сулейменовой. Алматы, 2005. С. 76–85.
12. Первезенцева О. А. Просодическая интерференция и интонационный аспект в процессе продуцирования и восприятия речи // Фонетика сегодня: Мат-лы V Межд. науч. конф. М., 2007. С. 147–148.
13. Потапова Р. К., Потапов В. В. Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008. С. 602–616.
14. Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975.

К вопросу о специфике звучания православных молитвословий

О. А. Прохвятилова, Е. А. Овечкина

Волгоградский государственный университет
elene0403@yandex.ru

Каноническое молитвенное чтение, псалмодия, звучащая молитва, форманта

Summary. The report presents the results of comparative instrumental analysis of the canonical prayer reading and the singing of liturgical texts. Grounded and proved that the canonical prayer reading combines the peculiarity of reading and singing.

Как известно, особенности звучащей молитвы в настоящее время рассматриваются в языковедении. Так, К. Конча-

ревич выделяет такие способы звукового воплощения молитвословного текста, как псалмодия, псалмодическое пе-

* Авторами Интернет-курса «Фонетика русского языка» являются сотрудники филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова: Г. Е. Кедрова (руководитель проекта), В. В. Потапов, А. М. Егоров, Е. Б. Омелянова, М. В. Волкова (web-design). Адрес в Интернете: <http://fonetica.philol.msu.ru>.

ние и мелизматическое пение [3: 631]. По мнению К. Кончаревич, псалмодия — «особая манера произнесения богослужебных текстов <...>, состоящая в интонировании их на одном звуке. Такая манера произнесения, хотя ее нельзя назвать пением, все же является первой ступенью вокально-мелодической организации сакрального текста» [3: 631]. К. Кончаревич также выделяет псалмодическое пение, отличающееся «от чтения сакрального текста тем, что та роль, которую в речи играет интонация, в поемых текстах отводится мелодическим формулам-попевкам» и мелизматическое пение, в котором «музыкальный элемент преобладает над словесным» [3: 632].

Другая точка зрения основывается на том, что псалмодия представляет собой особое чтение псалмов. По мнению О. А. Прохвятиловой, «псалмодию отличает распевно-речитативное чтение сакральных текстов, которое определяется регламентирующей интонацией „погласицей“» [5: 13].

В широком смысле псалмодию определяют как речитативное пение, в узком смысле псалмодия — «пение псалмов, а также тип мелодии, характерный для псалмов и основанных на них церковных песнопений...» [4].

Сложность в определении псалмодии и неоднозначность в толковании термина диктует необходимость в прояснении вопроса о природе канонического православного чтения молитв (термин О. А. Прохвятиловой) и соотношении звучания читаемого молитвенного текста с пением.

В данном докладе рассматривается формантная структура фрагментов звучащих православных молитв в каноническом молитвенном чтении и пении. Обращение к инструментальному изучению звучания православного молитвословия обусловлено тем, что инструментальный анализ позволяет рассмотреть формантные характеристики звуков, т. к. формантная структура при говорении и при пении различна. Положение первой форманты при говорении и пении приблизительно равное, расположение второй формантной частоты при пении снижается, третья и четвертая форманты сближаются относительно друг друга, образуя так называемую певческую форманту [1].

Для анализа формантной структуры гласных в звучащей молитве были рассмотрены варианты канонического чтения молитвы Господней, исполненные разными информантами (послушником Сретенского монастыря и регентом Сретенского монастыря), в сопоставлении с вариантом пения молитвы «Отче наш» (в исполнении хора Свято-Троицкого монастыря).

В проанализированных спектрограммах фрагментов пения наблюдаются следующие средние параметры: $F_1 = 594$ Гц, $F_2 = 1120$ Гц, $F_3 = 2804$ Гц, $F_4 = 3192$ Гц, то есть происходит характерное для пения понижение второй форманты, посылку расстояние между F_2 и F_3 составляет 1684 Гц. По мнению исследователей, при говорении расстояние между формантами в 1000 Гц «рассматривается как среднее, теоретически исходное» [2: 62]. Третья и четвертая форманты сближаются, образуя так называемую певческую форманту.

При анализе фрагментов канонического чтения молитвословия выявлены данные, не позволяющие соотнести формантную характеристику гласных ни с говорением, ни с пением. В разных вариантах канонического молитвенного

чтения наблюдаются следующие тенденции в соотношении второй, третьей и четвертой формант: 1) вторая форманта повышена, как при говорении, а третья и четвертая максимально сближены, как при пении; 2) вторая форманта понижена, как при пении, а третья и четвертая контрастируют, как в чтении; 3) вторая форманта понижена, третья и четвертая максимально сближены, как при пении; 4) вторая форманта повышена, третья и четвертая контрастируют, как при чтении.

В спектрограммах фрагментов канонического молитвенного чтения, иллюстрирующих первую тенденцию, например при реализации ударного гласного [а], наблюдаются следующие средние показатели формантной структуры: $F_1 = 534$ Гц, $F_2 = 1820$ Гц, $F_3 = 2808$ Гц, $F_4 = 3478$ Гц. Таким образом, вторая форманта повышена, как в говорении, третья и четвертая форманты сближаются: происходит их кластеризация. Подобное скопление энергии в указанных формантных областях позволяет говорить о появлении так называемой певческой форманты.

В других фрагментах канонического молитвенного чтения наблюдается реализация второй тенденции. Частота формантных областей [а]-ударного в среднем равна: $F_1 = 468$ Гц, $F_2 = 1302$ Гц, $F_3 = 2160$ Гц, $F_4 = 3408$ Гц. В данных фрагментах наблюдается понижение второй форманты, характерное для пения, однако третья и четвертая форманты контрастируют, как при говорении.

Проявление третьей тенденции можно проиллюстрировать следующими примерами: частота формантных областей ударного [о] в среднем составляет: $F_1 = 397$ Гц, $F_2 = 865$ Гц, $F_3 = 3048$ Гц, $F_4 = 3458$ Гц. Таким образом, в данных фрагментах отмечается понижение второй форманты и кластеризация третьей и четвертой формант, как при пении.

Четвертая тенденция реализуется следующим образом: средние показатели формантной структуры ударного [и] равны: $F_1 = 313$ Гц, $F_2 = 1808$ Гц, $F_3 = 3258$ Гц, $F_4 = 3414$ Гц. Следовательно, вторая форманта повышена, третья и четвертая контрастируют, как при говорении.

Таким образом, противоречивые, на первый взгляд, тенденции в соотношении второй, третьей и четвертой формант дают основание говорить о синкретической природе звучания канонического молитвенного чтения, в котором объединяются свойства как чтения, так и пения.

Литература

1. *Алдошина И.* Основы психоакустики. Ч. 17. Слух и речь. Ч. 5 Акустические характеристики вокальной речи // Звукорежиссер. 2002. № 9 (<http://rus.625-net.ru/audioproducer/2002/09/acoustic.html>).
2. *Златоустова Л. В., Р. К. Потанова, В. В. Потанов, Трунин-Донской В. Н.* Общая и прикладная фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
3. *Кончаревич К.* О некоторых специфических маркерах метаструктуры литургического дискурса // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй международной науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.: В 2 т. Волгоград, 2007, Т. 1. С. 630–635.
4. *Музыкальный энциклопедический словарь* / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М., 1990.
5. *Прохвятилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен звучащей речи. Волгоград, 1999.

К вопросу о синтаксической обусловленности интонационного членения современной дикторской речи

Л. В. Сеницына

Волгоградский государственный университет, Цилинский университет (г. Чанчунь — Китай)

lyubov_sinicina@mail.ru

Дикторская речь, интонационное членение, синтагматическое членение, синтаксически обусловленное членение, синтаксически необусловленное членение

Summary. The regularities of syntagmatic segmentation from the standpoint of syntactic conditionality are determined. It was established that segmentation with syntactic conditionality dominate. The main principles of using of segmentation with syntactic conditionality and the segmentation with syntactic independence are elucidated.

В данной работе будет рассмотрено синтагматическое членение дикторской речи с точки зрения синтаксической обусловленности. Под дикторской речью мы понимаем чтение заранее подготовленных текстов ведущими информационными передачами.

Вслед за О. А. Прохвятиловой мы относим дикторскую речь к информационно-публицистическому фоностиллю. В числе стилиобразующих экстралингвистических факторов исследователь выделяет СМИ как сферу функционирования, официальный регистр общения, преобладание смыслового

содержания над эмоциональным (причем эмоциональное содержание сводится к нулю), подготовленность речи и наличие письменной основы, а также доминирование монологической формы речи [3: 61].

Известно, что синтагматическое членение выполняет стилообразующую функцию. Так, Т. Э. Корепановой были рассмотрены стилистическая функция синтагматического членения телевизионных передач информационного типа на материале речи 1980-х гг. [1]. Однако за прошедшее время дикторская речь претерпела изменения, и материалом для нашего исследования послужили расшифровки новостных программ начала XXI в. «Время», «Вести» и «Сегодня». Единицей наблюдения была избрана синтагма, понимаемая как минимальный интонационно целостный смысловый отрезок речи [2: 6].

Исследователи выделяют две разновидности интонационного членения — синтаксически обусловленное и синтаксически необусловленное [4: 210–216]; [2: 87]. Синтаксически обусловленное членение соответствует логико-синтаксической структуре высказывания, поэтому границы семантико-синтаксического единства интонационно маркируются. Синтаксически необусловленное членение не отражает синтаксико-смысловые связи высказывания и может воплощаться либо в интонационном объединении нескольких синтаксических целых в одну синтагму, либо в интонационном разделении одного семантико-синтаксического единства на несколько синтагм.

Как показал имеющийся в нашем распоряжении материал, в дикторской речи имеется как синтаксически обусловленное, так и синтаксически необусловленное синтагматическое членение. При этом преобладает синтаксически обусловленное членение. Синтаксически обусловленное синтагматическое членение наблюдается:

1. На границе предикативных групп и высказываний, например:

*Там открывается ежегодный инвестиционный форум / ...
Что стало причиной катастрофы / станет известно после расшифровки... черных ящиков / ...*

2. При однородных членах предложения, например:

В их числе были дипломаты СЭШЭА / Украины / Бельгии / Турции / Финляндии / Австралии / ...

Он созвал чрезвычайное заседание правительства / снял свою подпись под меморандумом о сотрудничестве с оппозицией / и потребовал от парламента... отменить решение об отставке кабинета / ...

3. При уточняющих конструкциях (чаще всего в этой функции выступают имена собственные), например:

Владимир Путин / встретился сегодня с канцлером Германии / Герхардом Шредером / ...

Как заявил сегодня председатель совета директоров Газпрома / первый премьер Дмитрий Медведев / рост капитализации связан... с либерализацией рынка акций компании / ...

4. При вводных конструкциях:

По информации издания / на лайнере также не работала система ТКАС / помогающая избежать столкновения / со встречным самолетом /

Как отметил премьер-министр / Россия готова рассматривать предложения по расширению европейских партнерств проекта / ...

Синтаксически необусловленное членение в современной дикторской речи актуализирует смысловые связи внутри логико-синтаксического единства. В частности, в дикторской речи отмечено интонационное маркирование группы подлежащего и сказуемого внутри предикативной группы, например:

Российские фондовые рынки / сегодня работать уже не будут / ...

Выделяются в отдельную синтагму детерминанты места, например:

С Ярославского вокзала Москвы / сегодня отправился... специальный поезд / который сотрудники железной дороги / называют поликлиникой на колесах / ...

В некоторых случаях актуализируются объектные, атрибутивные и обстоятельственные отношения внутри распространенной группы подлежащего или сказуемого:

Электронный почтовый ящик / губернатора Аляски / и кабинета вице-президента СЭШЭА / взломали хакеры / ...

Руководство московского метрополитена / развеяло слухи / о критическом состоянии ... станции «Маяковская» / ...

Глава российского Минобороны / относится к этой информации / весьма скептически / ...

При общем преобладании синтаксически обусловленного членения тенденция к просодическому выделению компонентов внутри семантико-синтаксических единств в рамках синтаксически необусловленного членения способствует разграничению содержательных компонентов высказывания, помогает семантически точно донести информацию до зрителя и благоприятствует наиболее адекватному восприятию информации.

Литература

1. Корепанова Т. Э. Стилистическая функция синтагматического членения телевизионных передач информационного типа // Русский язык за рубежом. 1989. № 5. С. 73–79.
2. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999.
3. Прохвятилова О. А. Корректировочный курс русской фонетики. Волгоград, 2002.
4. Современная русская устная научная речь. Том I: Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.

Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке: тенденции развития

Е. С. Скачедубова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

skaeakaterina@yandex.ru

Орфоэпия, произносительные подсистемы, изменение произносительных норм

Summary. The lecture is devoted to progressive of phonetic system of composites (abbreviated words).

Современная лингвистика, и фонетика в частности, проявляет все большее внимание к выявлению не универсальных, а частных закономерностей языка, фокусируясь на детальном описании явлений различных подсистем, к которым относится и подсистема сложных и сложносокращенных слов.

Для выяснения вопроса об особенностях звукового оформления сложных и сложносокращенных слов был проведен эксперимент, в ходе которого 80 информантов, москвичей во 2–3-м поколении, носителей русского литературного произношения, прочитали специально составленные тексты, состоящие из отдельных фраз, которые содержали 350 проанализированных впоследствии слов. В общей сложности получено около 14000 дикторских ответов. Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы. Если для нескольких возрастных групп данные совпадают, в нижеследующем описании приводится одна цифра.

Первый компонент слов сложной структуры может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической маркированности, при этом просодическая выделенность может быть разных типов: основа может стоять под побочным ударением (ПУ) или под акцентным выделением (АВ), которое обязательно сопровождается выделенностью семантической.

Фразы в проведенном эксперименте были составлены таким образом, чтобы первый компонент одних и тех же сложных и сложносокращенных слов стоял то в позиции семантической выделенности, что провоцирует возникновение акцентного выделения, то в немаркированной просодической позиции.

Реализация конечных согласных фонем первой основы композитов

1. Семантическая выделенность первой основы композита во многом способствует восприятию стыка между основами

как межсловесного, т. е. сложное слово начинает восприниматься как словосочетание и конечная согласная фонема первой основы может реализовываться по законам конца слова, а не его середины. При восприятии стыка как межсловесного реализация согласных фонем на конце первой основы является сигналом ее самостоятельности, поэтому резко возрастает вероятность появления орфоэпических вариантов как по глухости / звонкости, так и по месту и способу образования: *зб[з]дúма* и *зб[с]дúма*; *Мб[ж]жилрегистрация*, *Мб[з]жилрегистрация* и *Мб[с]жилрегистрация*.

Отсутствие же какой бы то ни было просодической выделенности, т. е. АВ или ПУ, способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей.

3. В композитах с тремя основами велика вероятность возникновения побочного ударения на первой основе, что способствует ее самостоятельности и, как следствие, отсутствию чередования: *м[с]ишиномонтáж* (10% ст., 30% ср. и 10% мл.).

4. У малоосвоенных слов процент отсутствия чередования на стыке основ достаточно высок у всех возрастных групп: *тру[т]шкóла* (70% ст., 90% ср. и 80% мл.).

5. Отчетливо прослеживается тенденция к произнесению композитов с оформлением стыка по законам середины слова, что говорит о восприятии слова как единого целого, а не как словосочетания. Причем процент таких произнесений у младшей возрастной группы по сравнению со старшей выше: *го[з]бáнк* (80% ст. и 100% мл.), *сту[ц]совéт* (50% ст. и 80% мл.), *со[дж]жильё* (50% ст. и 70% мл.).

Реализация гласных фонем в первой основе композитов

1. Количество употреблений качественно нередуцированных гласных (как просодически выделенных, так и безударных) достоверно увеличивается с удалением от ударного слога: *мн[о]зókóмнатный* (0%), *мн[о]зókанáльный* (10%), *мн[о]зонациóнный* (30%), *мн[о]зókонфессиóнный* (100%).

2. В словах, находящихся под акцентом, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает ее самостоятельность. Так, при произнесении фразы: *Из белокаменного собор постепенно превратился в серокаменный*, варианты произношения распределились сле-

дующим образом: [б'и³]локáменный (70%), [б'э³]локáменный (30%), но [с'э³]рокáменный (100%). Ясно, что разница в процентном соотношении в словах *белокаменный* и *серокаменный* обусловлена только фразовой позицией.

3. Во многих случаях из-за большого количества слогов между основным ударением и потенциальным побочным на первой основе возникает ПУ. Редуцированный гласный под побочным ударением чаще наблюдается у средней и младшей групп, чем у старшей: [с'и³]йсмóгеологический (0% ст., 40% ср. и 50% мл.).

4. В композитах с тремя основами, при условии четко воспринимаемой границы между частями слова, как правило, первая основа находится под побочным ударением и находящийся в ней гласный не подвергается качественной редукции: *р[à]йвоенкомáт* (100%), *р[à]йжилотдél* (100%), *м[à]ловодопроницаемый* (100%), *с[т'э³]кложелезобетóн* (100%).

5. В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов, допускающих варианты произнесений, при любом контексте, с просодической выделенностью и без нее, зафиксирован больший процент гласных с качественной редуцией: [г'и³]нсéк (30% ст., 60% мл.), [а³]здáча (0% ст., 10% мл.).

6. Если в двусложных первых основах, содержащих гласные *о* или *а*, место потенциального побочного ударения на втором гласном, например: *загран-*, *погран-*, при отсутствии побочного ударения гласный в слоге зачастую получает редуцию не второй степени, а первой, хотя находится за несколькими слогами от ударения: [зэ³]гранпáспорт. Однако у младшей группы иногда встречается небольшой процент произнесений с редуцией второй степени: [зэ³]гранрэйс (10%), [пэ³]гранвойскá (10%).

Выводы

В массе своей композиты — продукт XX века, явление для языка новое и во многом чуждое. В середине XX века первые основы сложных и сложносокращенных слов стремились к приобретению «самостоятельности», что до сих пор еще отражается на орфоэпическом оформлении композитов в речи старшего поколения: звуки первой основы стремятся подчеркнуть ее отдельность, суверенность. Данные эксперимента показывают, что в речи младшего поколения четко прослеживается тенденция звукового оформления композитов, даже вновь появившихся и окказиональных, по модели слов элементарной структуры.

Русский вокализм как система, построенная на двух градуальных оппозициях

А. А. Соколянский

Северо-Восточный государственный университет (Магадан)

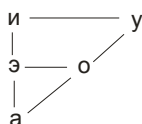
sokol_2001@mail.ru

Вокализм, градуальная оппозиция, нейтрализация, подъем, лабиализация, аканье

Summary. In the basis of the structure of Russian vowel system there are two gradual oppositions: the opposition concerning three staged vowels' rise (high, mid and bottom) and the opposition concerning three staged vowels' labialization (strongly labialized [y], mid labialized [o] and other non-labialized vowels). The solution, which has been given, allows to interpret the literary akanye in synchronism as a removal of the middle component of the gradual opposition concerning the labialization /a — o — y/ > /a — y/.

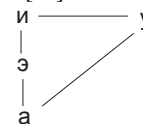
Русский вокализм — камень преткновения для разных фонологических школ, так как не удается построить такой модели его описания, которая бы объясняла его преобразования в безударной позиции с опорой на свойства гласных в ударных слогах. Впервые идея, излагаемая в данном выступлении, была предложена нами в 2001 году [1]. Данное выступление — развитие ранее заявленных положений.

Русский вокализм устроен на противопоставлении двух градуальных оппозиций: 1) оппозиция по степени подъема (/a/ — нижний подъем, /э/, /о/ — средний подъем, /y/, /и/ — верхний подъем) и 2) оппозиция по степени лабиализации (/a/, /э/, /и/ — нелабиализованные, /о/ — слабо лабиализованный, /y/ — сильно лабиализованный), что может быть представлено в схеме:

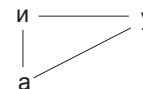
Отношения фонем по вертикали отражают подъем, по горизонтали — степень лабиализации. В первой позиции по-

сле твердых согласных происходит трансформация градуальной оппозиции по степени лабиализации в парную, что приводит к нейтрализации оппозиции /о/ — /а/ (б[ы]лá — р[y]дá — тp[a]вá — фон[ы³]тíческий):

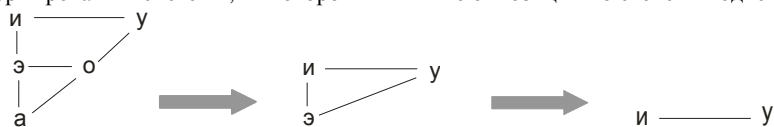

Нейтрализация происходит в немаркированном члене оппозиции /а/, но захватывает частично и зону реализации нейтрализованной в этой позиции /о/: [а], [а³], [о] — «нелабиализованное о».

Сегодня происходят процессы, преобразующие градуальную оппозицию по степени подъема в парную (совпадение в произношении гласных в словах типа: б[ы]лá — фон[ы³]тíческий), что приводит к следующему преобразованию системы:

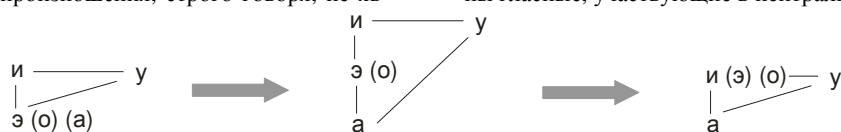

Во второй позиции представлена та же система, но в ней /a/ реализуется в виде [ъ]. В разговорной речи в слабой фразовой позиции заканчивается формирование системы, при которой утрачивается оппозиция по степени подъема, в результате чего система строится на противопоставлении по лабиализации: /и/ [ъ] — /у/ (н[ъ]ливóй = полевой и пылевой). В аллегровом типе речи все гласные могут совпадать в звуке [ъ], что говорит о формировании системы, в которой

Тенденция к формированию системы, включающей в себя один гласный, после мягких согласных проявляет себя еще явственнее, чем после твердых (произношение [пóл'ис], чé[л'и]сти).

Особого рассмотрения требует употребление гласных в безударной позиции после /ж/, /ш/ и /ц/. Нормализованное литературное произношение предполагает различение четырех гласных (ш[у]мóк — ж[ы]лá — ж[ы]нá — ж[а]рá), при этом данный тип произношения, строго говоря, не яв-

Новая система формируется под влиянием безударного вокализма после согласных, парных по твердости / мягкости, но сохраняет своеобразную нейтрализацию, отличную от аканья.

Предлагаемая фонологическая интерпретация русского вокализма позволяет увидеть в современных нейтрализациях гласных не только процессы, которые являются строго позиционно обусловленными, но и явления, которые могут быть объяснены с помощью раскрытия внутреннего устрой-

нейтрализованы все признаки гласных, кроме признака собственно вокальности (н[ъ]ливóй = полевой, пылевой и пулевой). Дальнейшие изменения вокализма в этом направлении связаны с появлением «нулевой нейтрализации».

В безударной позиции после мягких согласных при экающем произношении происходит превращение двух градуальных оппозиций в зврные, а при иканье полное устранение оппозиции по степени подъема:

ляется акающим. Нейтрализация затрагивает /э/ и /о/, тогда как /а/ в этой позиции сформировало особую зону реализации. Вопреки тенденции к сокращению числа гласных этот тип произношения пришел на смену системе, в которой были противопоставлены три единицы (произносили ж[ы]нá — ж[ы]рá). В настоящее время распространение получает тип произношения, при котором различению подлежат три единицы (произношение ж[ы]лá — ж[ы]нá). В скобках показаны гласные, участвующие в нейтрализации.

ства фонологических единиц, участвующих в нейтрализации. Это еще один шаг на пути сближения между Московской и Пражской фонологическими школами.

Литература

1. Соколянский А. А. Фонологическая интерпретация русского вокализма // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001. С. 244.

Фоно-типологические расстояния между древнерусским и некоторыми современными славянскими языками

Ю. А. Тамбовцев

Новосибирский государственный педагогический университет
yutamb@mail.ru

Целью данной работы является установление фоно-типологических расстояний по величине критерия «хи-квадрат» между древнерусским и некоторыми другими славянскими языками. В качестве материала послужили некоторые тексты из «Хрестоматии по истории русского литературного языка» (М., 1974), которую составил для студентов университетов и педагогических институтов А. Н. Кожин. Памятники древнерусской письменности X–XIII веков включали следующие тексты: 1) Русская правда; 2) Повесть временных лет; 3) Киевская летопись; и 4) Поучение Владимира Мономаха. Эти древнерусские тексты сравнивались по частоте встречаемости в их звуковых цепочках таких групп согласных как 1) губные; 2) переднеязычные; 3) среднеязычные; 4) заднеязычные; 5) сонорные; 6) смычные; 7) щелевые; 8) звонкие. Учитывался также и признак — 9) гласные. Таким образом, сравнение было полным и системным с фонетической точки зрения.

Для упрощения понимания величины расстояния нами был введен коэффициент ТМВ, который учитывал количе-

ство степеней свободы и уровня статистической значимости. Фактически, коэффициент ТМВ — это отношение эмпирически полученной величины критерия «хи-квадрат» к его теоретической к величине с учетом 8 степеней свободы и уровня значимости 0,05.

Между древнерусским и другими языками были получены следующие расстояния по величине коэффициента ТМВ, которые составили упорядоченный ряд по возрастанию: русский — 4,71; украинский — 5,20; белорусский — 6,42; словенский — 8,60; чешский — 10,29; болгарский — 11,08; македонский — 13,92; словацкий — 14,20; сербско-хорватский — 15,31; сербо-лужицкий — 20,16; польский — 30,54.

Из этих расстояний можно сделать вывод, что по звуковым картинам к древнерусскому ближе всего русский, украинский и белорусский. Меньше всего на звуковую картину древнерусского языка похожи звуковые картины сербо-лужицкого и польского языков.

Некоторые итоги изучения распределения двух фонем «типа о» в современных русских говорах в связи с акцентуацией

А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
teravan@mail.ru

Диалектология, история русского языка, акцентология, фонетика

Summary. The paper is devoted to Russian dialects with the opposition of two *o*-phonemes. In these dialects CSI. *o has different reflexes under two different kinds of CSI. accent. Distribution of two *o* is studied in the roots of simplex nouns of the 1st and 2nd declension on the background of their accentuation.

Рассмотренное на большом систематически собранном материале, распределение двух фонем «типа о» («открыто-

го» и «закрытого», далее условно обозначенных как /o/ и /yo/ без учета особенностей их фонетической реализации)

обнаруживает в современных русских говорах ряд нетривиальных сходств и относительно регулярных различий. Речь идет о таких диалектных системах, в которых две фонемы «типа *o*» обнаруживают «великорусский» принцип распределения [3: 178]: ^{*}ь, а также в определенных условиях ^{*}е, ^{*}ь, отражаются в /o/, ^{*}o > /yo/ под автономным ударением, ^{*}o > /o/ под автоматическим ударением. Как известно, такие системы в настоящее время встречаются в основном в говорах восточной диалектной зоны, а ранее были распространены практически на всей территории русского языка. Ниже коротко охарактеризованы особенности распределения двух фонем «типа *o*» в корнях непроезженных существительных I и II склонения в связи с их акцентуацией.

1. Характер праславянского (раннедревнерусского) ударения словоформ, входящих в парадигму слова, непосредственно соотнесен с типом акцентной кривой слова [1: 17]; в русском языке, как известно, в целом сохраняется праслав. место ударения словоформ и тем самым рисунок акцентных кривых. Сопоставление акцентных кривых непроезженных существительных м. рода с огласовкой их корней, содержащих рефлексы ^{*}o, показало, что в современных говорах в подавляющем большинстве случаев представлены тривиальные соотношения, описываемые указанным выше правилом. Слова а. п. *A* (неподвижное ударение на корне во всех формах парадигмы; рефлексы автономного ударения во всех словоформах), как правило, характеризуются ^{*}o > /yo/ (мор[уб]з и под.), слова а. п. *C* (подвижное ударение; рефлексы автоматического ударения в словоформах с начальным ударением, рефлексы автономного ударения во флексиях) — ^{*}o > /o/ (И. вор, бор, дом, Р. вора, бора, дома, И. мн. воря, боры, дома, Р. мн. воря[уб]в, дом[уб]в). В состав а. п. *C* в рассматриваемых говорах входят существительные праслав. а. п. *c* и ^{*}u-основы праслав. а. п. *d* с долгим гласным в корне, что является акцентуационной особенностью «восточного» типа позднепраславянских диалектов [2, 140–142]. Слова а. п. *B* (ударение на окончании во всех формах парадигмы, в случае нулевого окончания — на корне) делятся на две группы: с ^{*}o > /yo/ в корне (рефлексы автономного ударения во всех словоформах парадигмы: И. ст[yo]л, н[yo]ж, Р. столá, ножá и под.; ^{*}o- /jo-основы праслав. а. п. *b*) и с ^{*}o > /o/ (рефлексы автоматического ударения в И.(В.) ед., у синхронно мягких основ — также в И.(В.) мн., и автономного ударения в остальных формах парадигмы: плод, вол, сом, дрозд, гвоздь, ноготь, локоть, Р. плодá, ногтá, и т. д.; ^{*}u-, ^{*}i- и консонантные основы праслав. а. п. *d* с кратким корневым гласным). Автоматический характер древнего ударения в И. ед. подтверждается, в частности, начальным ударением двусложных локоть, ноготь, в отли-

чие от, например, кор[уб]ль. Максимальный набор слов типа плод представлен в говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл.; в прочих говорах этот тип численно меньше и может вбирать в себя лексемы других классов. Так, в Пустошах в этот тип включена ^{*}jo-основа хорь видимо, по аналогии с зоонимами вол, сом, дрозд. В современных говорах выбор огласовки у слов группы плод не связан ни с какими синхронными морфологическими или другими их особенностями. Тип плод, Р. плодá представляет собой сохранение в морфонологизованном виде специфического акцентуационного развития ^{*}u-, ^{*}i- и консонантных основ мужского рода праслав. а. п. *d* с кратким гласным в корне, относящегося к позднему праславянскому.

2. Говоры с противопоставлением двух фонем «типа *o*» различаются судьбой а. п. *b* существительных *a*-(*ja*)-склонения: лишь в части говоров развивается акцентная кривая *B* с накоренным ударением во всех формах мн. числа.

В севернорусских вологодских говорах новая акцентная кривая *B* не получила развития. В результате морфологически обусловленного распространения накоренного ударения в И.(В.) мн. (^{*}росы > рóсы) а. п. *B* во мн. числе совпадает с *C*, и слова а. п. *B* получают (по аналогии?) такую же огласовку ударного корневого слога, как у слов а. п. *C* (И. росá, В. росú, И. мн. рóсы, Р. мн. [рубс], как И. ногá, В. нóгу, И. мн. нóги, Р. мн. [нубк]). Этот тип ударения и огласовки изредка встречается и в среднерусских и южнорусских говорах. Однако особенно в среднерусских, по-видимому, достаточно рано возникает разновидность а. п. *B* с колонным накоренным ударением во мн. числе, причем с ней соотносится развитие ^{*}o > /yo/. В говоре Пустошей: И. норá, В. норú, И. мн. н[yo]ры / нóры, Р. мн. н[yo]р; И. вдовá, В. вдовú, И. мн. вд[уб]вы, Р. мн. [вдубф], Д. мн. вд[уб]вам; пч[олá], В. пч[олú], И. мн. пч[уб]лы, Р. мн. пч[уб]л; соснá, В. соснú, И. мн. с[уб]сны; зор'á, В. зор'ú, И. мн. з[уб]ри, Р. мн. [зубр']; снохá, В. снохú, И. мн. сн[уб]хи, Р. мн. сн[yo]х; сл[ио]зá, В. сл[ио]зú, И. мн. сл[иуб]зы, Р. мн. сл[иубс]; жонá, В. жонú, И. мн. [жубны], Р. мн. [жубн]. У слов а. п. *C* такая огласовка практически не встречается. /yo/ в этих примерах соответствует ^{*}o, ^{*}e после шипящих, ^{*}ь и ^{*}ь в сочетаниях ^{*}TRBT либо после сонантов. Формирование новой а. п. *B* поэтому должно относиться ко времени, когда во всех указанных случаях уже был представлен гласный типа *o*.

Литература

1. Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
2. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии: Словарь. М., 1993.
3. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Литерный почерк: выявление и анализ

С. В. Чертков

ОСП «Открытые системы»
nemanser@yandex.ru

Идиолект, частотность букв, статистические методы

Summary. Investigation of works more than 50 Russian classics revealed the principle distinctions of the artistic texts, written in verse and prose, at the level of alphabet. The features of author's lettered writings are demonstrated, the methods of analysis and terminology are grounded.

Основные предпосылки работы:

1. Мы имеем дело с текстами — письменной речью с ее буквенным кодом [4: 9]. Это основа лингвистического исследования для извлечения языковой системы [1: 107]. Буквы рассматриваем как акт речевого поведения и анализируем как элементы текста, т. е. речи в ее модальности [6: 77].

2. Априори полагать, что литературные произведения воспринимаются на слух или проговариваются, причем всеми одинаково, мы не вправе. «При описании структурных характеристик языка для письменной речи прежде всего нужно говорить об алфавите» [2: 65].

3. При статистическом исследовании реально значимо отношение фактической частотности к рассчитанной с учетом специфики стиля речи [5: 275–280]. Дифференциация по характеру текстов обязательна.

4. Представление о нейтральном фоне (НФ) дает масштабное исследование с соблюдением принципа однородности материала. Пока ни одна статистика не удовлетворяла обоим критериям.

480

Исследованию произведений более 50-ти классиков русской литературы (26 млн букв) выявило принципиальные отличия стихотворных и прозаических художественных текстов на уровне алфавита.

I. Знаки гласных в поэзии встречаются куда реже, чем в художественной прозе: соответствующие диапазоны не пересекаются. Ни один рассмотренный прозаик не употребляет гласные так редко, как любой поэт. Выше в поэзии и консонантный коэффициент (раздел на отметке 1,34).

II. Ровно то же в отношении буквы *O*.

III. Буквы *Й*, *Ы* значительно чаще употребляются в поэзии.

IV. Значимы расхождения по *A*, *И*, *Ч* (больше в прозе); *З*, *М*, *Р* (больше в поэзии).

V. В прозе частотность *И* выше *Н*; *К* выше *М*, в поэзии наоборот: по первой паре верно для 75% прозаиков и 80% поэтов; для второй — соответственно, 85% и 65%.

В докладе демонстрируются особенности авторских литературных почерков, обосновываются методы анализа и терми-

нология. **Литерный почерк** писателя складывается из частотности букв в его текстах и является важной составляющей авторского говора (идиолекта). Изучая индивидуальную разновидность языка, мы фиксируем одно из возможных состояний системы. В ее описание включаются значимые отклонения от среднего показателя — НФ [говорить о НФ как об «идеальной норме», «эталоне» или «среднем литературном языке» допустимо только в кавычках], рассматриваемого на трех уровнях: для функционального стиля (типа речи), автора и произведения. Так идиолект предстает в динамике и по контрасту с иными авторскими системами, выявляя общее и свойское, расширяя наше знание о языке. Такой метод изучения текстов многое дает и в раскрытии вопроса о безусловности / условности в писательстве — осознанном и спонтанном употреблении языковых единиц (приеме и привычке).

Литерный почерк неизбежно проявляется на больших объемах текстов писателя, несмотря на тематические требования и творческие задачи, а определяют его три вида авторских предпочтений: букв, слов и форм. Нельзя отклонение частотности от НФ однозначно интерпретировать как особое отношение автора к определенной букве, пока не выяснены все причины аномалии. Например: треть употреблений *Л* в художественной литературе приходится на суффиксы глаголов прошедшего времени, и приверженность к ним автора в значительной степени определяет концентрацию *Л*, т. о. по ней можно судить о предпочтении этой

глагольной формы. Комплексный анализ (в т. ч. позиций в словах, флексий и фигур речи) обнаруживает сложнейшее взаимодействие многих факторов. Попытки же приписать буквам скрытый смысл и на основании этого судить о значении слов ненаучны и всерьез восприниматься не должны.

Преимущества буквенного метода перед подобными не только в удобстве и компактности. Транскрибирование — тупиковый путь [3]: пока филологи не договорятся о списочных составах звуков и фонем, нет смысла сравнивать статистики. Да и показатели по идеальной транскрипции и звучащей речи далеко нетождественны. Дабы механически устранить диалектику знака, говорят «одновременно и о букве, и о звуке». Но это и значит говорить о букве! Именно она — элемент текста, его фонетико-графической организации и минимальная единица авторского говора. В околонуных кругах блуждают жуткие симулякры «звукобуква», «текстотфонама», «текстотграфема», «графотфонама», «звукотбуквенный знак»... Самочинные попытки постичь обычное *текстовое* явление усложняют дело до невязности. Ведь буквы — традиционные графические знаки для обозначения на письме звуков, фонем и их последовательностей. Избыточные термины, противоречащие теории языка, — производная уступка для синтеза при подсчетах.

При целостном лингвистическом анализе текста уровень алфавита миновать нельзя. Поэтому буквенный метод — важная часть стилистики, равноправная и своеобразная.

БУКВЫ	ПОЭЗИЯ			ПРОЗА		
	среднее	min	max	среднее	min	max
А	7,32	6,46	8,21	8,16	7,35	8,65
Б	1,91	1,76	2,07	1,75	1,55	1,95
В	4,57	3,81	5,17	4,56	4,12	4,92
Г	1,81	1,52	2,06	1,83	1,67	1,99
Д	3,30	2,85	3,82	3,07	2,81	3,30
Е	8,65	8,00	9,97	8,51	7,93	9,00
Ж	1,05	0,80	1,26	1,08	0,90	1,29
З	1,89	1,57	2,25	1,67	1,48	1,82
И	6,27	5,72	7,09	6,68	6,23	7,13
Й	1,94	1,27	2,42	1,14	1,00	1,51
К	3,33	2,61	4,41	3,55	3,11	4,22
Л	4,71	4,11	5,24	4,93	4,45	5,39
М	3,46	2,98	3,78	3,14	2,88	3,55
Н	6,63	5,80	7,54	6,47	6,11	6,90
О	9,76	8,90	10,27	11,31	10,97	11,72
П	2,56	2,12	3,01	2,70	2,42	2,99
Р	4,54	3,70	5,11	4,20	3,92	4,75
С	5,30	4,86	5,92	5,22	4,96	5,60
Т	6,01	5,45	6,87	5,99	5,32	6,58
У	3,00	2,60	3,49	2,93	2,69	3,28
Ф	0,09	0,01	0,22	0,13	0,05	0,22
Х	1,08	0,84	1,45	0,89	0,72	1,09
Ц	0,47	0,32	0,61	0,35	0,26	0,46
Ч	1,41	1,21	1,66	1,65	1,42	1,92
Ш	0,90	0,69	1,05	0,90	0,79	1,00
Щ	0,30	0,18	0,42	0,32	0,25	0,45
Ъ	0,02	0,01	0,04	0,03	0,02	0,06
Ы	2,42	1,98	2,95	1,85	1,62	2,11
Ь	2,16	1,71	2,82	1,97	1,71	2,33
Э	0,13	0,04	0,30	0,27	0,11	0,40
Ю	0,85	0,69	1,35	0,66	0,51	0,83
Я	2,15	1,82	2,56	2,09	1,86	2,54
гласные	40,55	39,23	41,86	42,45	41,99	42,88
конс. коэф.	1,31	1,28	1,33	1,41	1,34	1,49

Примечание. Частотность $\tilde{E}$ (0,4–0,7%) причтена к *Е*.

Литература

1. Мыркин В. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык–речь // Вопросы языкознания. 1970. № 1.
2. Налимов В. Вероятностная модель языка. М., 1974.
3. Павловец Т. Фонетико-графическая организация повести А. Платонова «Котлован». М., 2005.
4. Пиотровский Р. Информационное измерение печатного текста // Энтропия языка и статистика речи. Мн., 1966.
5. Трубецкой Н. Основы фонологии. М., 2000.
6. Фрумкина Р. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.

Графика русского языка не может обойтись без знака ударения в именах собственных

В. Т. Чумаков

Журнал «Народное образование»

yo-maker@yandex.ru

Нередко мы оказываемся в состоянии внутреннего замешательства, боясь вслух прочитать ошибочно, например, такие фамилии: *Иванов, Новиков, Александров, Козак, Федорин, Старшинов, Серебрянников, Огольцев, Топоров, Пчелов, Левонтин, Ковтун, Калина, Данилов, Федоренков, Кобелев, Кирчо* и даже *Ожегов*. Причина этого дискомфорта многократно в литературе описана, а здесь скажем кратко: это боязнь обидеть человека, исказив звучание, а стало быть, и название того, что ему свято — имя его рода-племени. Если кто *Ива́нов, Ирина Левонти́на, Коза́к, Пчело́в* или *Кобе́лев*, то для них вдруг услышать, как их называют: *Ива́но́в, Пчело́в, Левонти́на, Коза́к, Кобе́лёв*, подпортит настроение. То есть это — сфера тонкой этики, затрагивающей сокровенные струны души человека. А можно ли этим пренебрегать? Ответ же на извечный русский вопрос: «Что делать?» — содержится в заголовке статьи: нам не обойтись без знака ударения в некоторых русских фамилиях. Технически при нынешнем размахе компьютеризации сделать это весьма просто. Однако, организационные трудности предстоит преодолеть существенные. Главное, к счастью, уже преодолено. Правила русской орфографии и пунктуации не против такого новшества: пожалуйста — ставьте ударение, если желаете. Но как преодолеть — старость, рутину традиций и консерватизма? Обижается человек, что неверно произносят его фамилию. А посмотришь в визитную карточку, которую он сам для себя заказал, и видишь, что про ударение-то он и позабыл. Печатники визитки сделали бы карточку с ударением и число ошибающихся пошло бы на убыль.

Или при назначении на государственный пост гражданина России и с двоякопроизносимой фамилией, как например, *Дмитрий Козак*, исполнители приказа спросили бы у него, как верно оглашается его фамилия. И разобравшись, приказ на подпись Президенту понесли бы с ударением в фамилии: *Дмитрий Коза́к*. И все бы узнали, что на эту должность назначен именно *Коза́к*. Когда разговариваешь с ответственным чиновником на эту тему, то он отвечает: «А как мы можем? Ведь у него в паспорте нет ударения. Там написано: *Козак*». То есть бумажка, хоть это и паспорт, важнее его персонального волеизъявления да и здравого смысла, а это не что иное, как нарушение прав — гражданина и человека.

Часто возникает вопрос, а как же с правилами постановки ударения в фамилиях? Они ведь существуют. Да, правила есть, но, к сожалению, эти правила, впрочем, как и многие другие правила русской орфографии имеют такое огромное число исключений, что правилами их в полной мере назвать никак нельзя. Самое же верное правило для фамилий — это спросить взрослого и в здравом уме пребывающего представителя фамилии, а как однозначно правильно звучит и должна звучать-произноситься его фамилия? Его ответ и будет единственно верным ответом на поставленный вопрос.

Первые издания словарей Сергея Ивановича Ожегова выходили с ударением в его фамилии на титульном листе: *Ожегов*. Он, наслушавшись, как коверкается его фамилия, настоял, чтобы она шла с ударением на титульной странице словарей. И вдруг в последние годы ударение исчезло. Почему? Ответ обескураживающий: якобы, появилось правило — на титульных листах ударение не ставить.

Нет, разумеется, такого правила. Все это лукавство издателя, но ему верят, потому что от него зависят. Но нет и так нужного ударения в фамилии Ожегов в его трудах.

А как поступить, чтобы четко различались граждане с такой вот ассоциацией фамилий? *Алехин — Алёхин, Селезнев — Селезнёв, Ковалев — Ковалёв, Шепелев — Шепелёв, Семенов — Семёнов*? Именно (sic!): *Селезнев, Ковалев, Шепелев и Семенов*.

Известно, что до войны чемпионом мира по шахматам был А. А. Алёхин. На юге России чаще встречается фамилия *Ковалев*, а не *Ковалёв*.

Итак, очевидно, что настала пора ввести за правило постановку ударения в проблемных фамилиях. Часть из них перечислена выше. И начать желательно с самих себя. Закажешь визитку, попроси поставить ударение, что ты *Данило́в, Да́шков, Огольце́в, Кулико́в, Александро́в*, а не проблемный *Данилов, Дашков Огольцов, Александров* или *Куликов*. Пишешь заявление в паспортный стол, чтобы тебе поменяли паспорт, то попроси в нем поставить ударение, что ты *Ива́нов* или *Новико́в*, а вовсе не *Иванов* или *Новиков*. И для этого случая в паспортном столе должно иметься соответствующее распоряжение администрации, подтверждающее правомерность просьбы заявителя. Подается заявление о приеме ребенка в первый класс — ударение из заявления родителей переходит в список учащихся первого класса, а затем с этим ударением она дойдет до 11 класса и войдет в аттестат зрелости тоже с ударением. А затем и в список группы в университете, а далее и в диплом о его окончании.

Именно так должно проявляться уважение властей к ФАМИЛИЯМ граждан Российской Федерации!

Выписывают тебе бейджик — подумай, — прочитают ли сразу безошибочно твою фамилию? Если нет — поставь ударение.

А теперь о собственных названиях географических объектов, улиц, площадей, вокзалов, станций метро, — о топонимах.

В центре Столицы, недалеко от выхода из метро «Китайгород», висит дорожный указатель «ПЛОЩАДЬ ВАРВАРСКИЕ ВОРОТА». Читаем: «Варварские ворота». В чем дело? Почему именно «варварские». В «честь» какого варварского проступка они названы? Но оказывается все проще. С 1514 года стоит поблизости от этой площади храм Святой Варвары Великомученицы и в часть Ее в 1538 году были названы ворота, сооруженные в стене Китай-города. И никто не будет против, если на этом дорожном указателе появится знак ударения: «Варва́рские ворота».

Есть особенности русской орфографии, о которых совершенно не задумываются власти, а также те, кто пишет, например, дорожные указатели и указатели названий улиц, вокзалов, станций метро. Поэтому появляются уродливые «Мневники» (Хорошево Мневники), вместо единственно правильного: Хороше́во Мнёвники. Так написано в официальном Классификаторе названий в городе Москве. А искажать его (Классификатор) — означает нарушать государственную дисциплину. И здесь не помешало бы властям Столицы вмешаться да оштрафовать, например, боссов Новосушёвского бизнесцентра, что на Сушёвском валу, которые искажали и русский язык, и внешний вид Столицы, вывесив уродливое «НовосушЕвский». Заметим, кстати, что рядом совсем недавно появились огромные точки над крышей Савёловского вокзала и стал он именно Савёловским! И это легко сделал начальник вокзала, осознав, что руководить «ошибочным» вокзалом нелепо и смешно. А уютно ли себя чувствуют работники станции метро «Планёрная»? Ведь в Государственном Классификаторе названий г. Москвы их станция, а также прилегающая улица, платформа электричек и ручей названы Планёрными. Да, да, ручей Планёрный! И это все из-за аэродрома, с которого взлетали в 30-е годы XX века планёры. И это название никакого отношения не имеет к Планам пятилеток.

Разумеется, нельзя оставить без знака ударения или точек над ё такие, например, надписи на дорожных указателях: *Ложки, Райки, Жестылево, Мерелево, село Трехнево, дер. Мельчевка, Стешино, Коренево, Костерево, Кужелево, дер. Цикарево, Опалево, Беденки, Финево, Полежнево, Пикалево, Мигачево и Кашиенкин луг* в Москве или г. Черемушки у Саяно-Шушенской ГЭС. И не пора ли написать на дорожном указателе: «город Балаши́ха»? Глядишь — и приживется верное произношение.

Сотни и сотни подобных нелепостей, увы! мы встречаем на дорогах нашей необъятной страны.

Позиционное «озвончение» согласных в свете теории оппозиций

М. В. Шульга

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
shoulga@mail.ru

Напряженность / ненапряженность, глухость / звонкость, привативная оппозиция

Summary. It is supposed in the report that in contemporary Russian there is an opposition of tense vs. lax consonants. The opposition exists in system of consonants along with an opposition of voiced vs. voiceless consonants.

1. Для фонологической системы русского языка характерны привативные оппозиции, то есть противопоставленные фонем с асимметричными отношениями между их членами. Современная оппозиция глухих / звонких согласных построена как привативная. Нейтрализация оппозиции по ее немаркированному члену (глухому согласному) здесь осуществляется по обычной для привативной оппозиции схеме.

В эту схему нейтрализации привативной оппозиции совершенно не вписывается так называемое озвончение — чередование глухих согласных со звонкими в позиции перед звонкими шумными согласными, например: *сбор* [збор]. Нейтрализация оппозиции глухих / звонких согласных по ее маркированному члену (звонкому согласному) противоречит представлению о привативной оппозиции. Поэтому объяснение озвончению шумных согласных приходится искать за пределами оппозиции по глухости / звонкости. На наш взгляд, оно может получить непротиворечивую интерпретацию с позиций противопоставления согласных по напряженности / ненапряженности.

Инструментальные исследования выявляют артикуляционные и акустические отличия напряженных и ненапряженных согласных в фонетической системе современного русского литературного языка [1].

Признак напряженности сопровождает глухие согласные. Нейтрализация этой оппозиции должна осуществляться по немаркированному (ненапряженному) звонкому согласному. Так называемое озвончение по своей сущности представляет собой нейтрализацию признака напряженности в слабой позиции.

2. Известно, что роль и место рассматриваемых характеристик шумных согласных не одинаковы в истории русского языка. Так, озвончение глухих согласных и оглушение звонких согласных древнерусская письменность документирует с интервалом в полтора-два столетия. Озвончение в определенных позициях относительно регулярно отражается с к. XII в. Древнейшие примеры оглушения встречаются не ранее второй половины XIV в.

Доверять этим свидетельствам письменности (в плане относительной хронологии) склоняет тот факт, что и в настоящее время существуют консонантные системы с озвончением глухих перед звонкими, но без оглушения (или с «неполным» оглушением) звонких перед глухими, например, в ряде севернорусских говоров [2]. И напротив, не известны говоры, где представлено оглушение шумных согласных в слабой позиции, но не было бы представлено озвончение.

Многие различия в фонетической реализации глухих и звонких согласных фонем Л. Л. Касаткин [3] связывает с функционированием в ряде современных севернорусских говоров архаичной консонантной системы с противопоставлением шумных согласных по напряженности / ненапряженности.

Следовательно, более древний этап ассимиляции согласных (озвончение) связан с нейтрализацией фонологического признака напряженности в позиции перед ненапряженным. Это общий для всех восточнославянских диалектов этап. Следующий этап (со второй половины XIV в.) связан с нейтрализацией фонологического признака звонкости шумных согласных в положении перед глухими. Те древнерусские диалекты, в которых возникает оглушение звонких перед глухими, приобретают дифференциальные признаки глухость / звонкость у шумных согласных.

Традиционно начало формирования корреляции глухих и звонких согласных ведут от ассимилятивного озвончения согласных, то есть от XII в. С изложенных здесь позиций соответствующие факты относятся исключительно к истории противопоставления напряженных / ненапряженных согласных (имеющей праславянские и — глубже — индоевропейские корни) в новых фонетических условиях — условиях непосредственного контакта напряженных и ненапряженных согласных после падения редуцированных. Историю корреляции звонких и глухих правомерней отсчитывать от второй половины XIV в. — именно с этого времени регулярно документируется оглушение.

3. Историю шумных согласных фонем в русском языке принято описывать как смену одних дифференциальных признаков (напряженности / ненапряженности) другими дифференциальными признаками (глухости / звонкости). Нам представляется, что здесь можно говорить о перерастании дополнительного признака шумных согласных глухость / звонкость в дифференциальный признак — не о смене, а об усложнении противопоставления согласных: согласные, противопоставленные по признаку напряженности / ненапряженности, вступают также в противопоставление по глухости / звонкости.

4. Такое понимание вполне согласуется с общей тенденцией к усилению системы консонантизма в части русских говоров — развитие оппозиции по глухости / звонкости сопровождается, как правило, развитием оппозиции по твердости / мягкости. Говоры, не знающие оглушения согласных, не отражают также регулярной корреляции согласных по твердости / мягкости [4]. И наоборот: корреляция согласных по глухости / звонкости сопровождается, как правило, корреляцией по твердости / мягкости.

5. В системе литературного языка из двух сопутствующих друг другу признаков шумных согласных — глухость и напряженность (или звонкость и ненапряженность) — современная фонология признает первый признак основным (дифференциальным признаком) [5: 207], а второй — дополнительным. Нам представляется перспективным предположение о том, что в литературном языке наряду с оппозицией глухих / звонких фонем одновременно функционирует также оппозиция напряженных / ненапряженных фонем. Для первой позицией нейтрализации является положение перед глухим согласным и на конце слова. Для оппозиции по напряженности / ненапряженности позицией нейтрализации является положение перед ненапряженным согласным.

Литература

1. Златоустова Л. В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
2. Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Противопоставление согласных по напряженности — ненапряженности в севернорусских говорах // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
3. Касаткин Л. Л. Некоторые фонетические изменения в консонантных сочетаниях в русском, древнерусском и праславянском языках, связанные с противопоставлением согласных по напряженности / ненапряженности // Вопросы языкознания. 1995. № 2.
4. Князев С. В. О связи особенностей артикуляционной базы говора с характером противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных // Современные русские говоры. М., 1991.
5. Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. 2. Опыт описания различительных признаков // Новое в лингвистике. М., 1962.

Специфика звучащей речи современного политика

Ю. С. Ярцева

Волгоградский государственный университет.

st-kitten-yulja@mail.ru

Звучащая речь политика, речевое поведение, интонационно-звуковые параметры, интонационная конструкция

Summary. The report produced the results of the in-depth analysis of the sounding political speech. We discovered the means of different linguistic levels, which defined the peculiarities of V. V. Putin's speech behavior. But a special attention was paid to the sound component of the political speech, which still was not sufficiently investigated.

В современных лингвистических трудах наблюдается значительный интерес к феномену политического дискурса. В частности, анализ специальной литературы показал, что существует несколько подходов к изучению речевого поведения политика: риторический [4]; [6], психологический [3] и собственно лингвистический [5], которые в свою очередь базируются на лингвистическом понятии языковой личности и речевого портрета говорящего.

В основном исследователи уделяют внимание либо рассмотрению определенных тактик и стратегий в речи политических деятелей [5], либо анализу используемых в ней языковых единиц [4], [2]. При этом звучащая речь политиков, в частности ее интонационно-звуковые параметры, остаются пока вне поля зрения лингвистов.

В докладе на материале расшифровок магнитофонных записей публичных выступлений и пресс-конференций В. В. Путина рассматриваются разноуровневые языковые средства, определяющие специфику речевого поведения современного политика. В основе исследования лежит сформулированное Е. А. Брызгуновой положение о том, что значение звучащего предложения (высказывания) представляет собой результат взаимодействия значений, выражаемых синтаксической конструкцией, лексическим составом, интонацией и контекстом [1].

Анализ звучащей речи В. В. Путина дает основания утверждать, что ведущими качествами в ней являются эмоциональная воспитанность, сдержанность, сбалансированность, логичность, организованность, умение налаживать коммуникативное сотрудничество.

Установлено, что эмоциональная воспитанность, сдержанность, сбалансированность передается в речи политика следующими разноуровневыми языковыми средствами: 1) сочетанием стилистически нейтральной, общественно-политической и разговорной лексики; 2) употреблением инверсивных конструкций; 3) использованием нормативного синтаксического членения, основанного на совпадении интонационных, синтаксических и семантических факторов выделения минимального речевого отрезка; 4) применением нейтральных реализаций ИК.

Например, в следующем отрывке: *...оценивая события уходящего года / мы думаем прежде всего / о своих близких / о семье / о том как сами прожили этот год / а из жизни каждого из нас / собственно и складывается судьба страны //...* эффект сбалансированности речи В. В. Путина создается благодаря синтезу стилистически нейтральной и общественно-политической лексики в сочетании с нормативным членением и чередованием нейтральных реализаций ИК-3 и ИК-6 при оформлении неконечных синтагм.

Анализ показал, что организованность и логичность речи В. В. Путина достигается благодаря использованию в его выступлениях различных средств акцентирования наиболее важной информации, в их числе: 1) инверсии; 2) лексические повторы; 3) употребление ИК-2 со значением смыслового подчеркивания; 4) перенос интонационного центра в

медальную или инициальную части оформленной по типу ИК-2 синтагмы с целью выделения ее смысловой «вершины»; 5) преобладание в неконечных синтагмах ИК-2³ и ИК-3² со значением подчеркивания; 6) несовпадение синтаксического членения с синтаксическим, т. н. «разрывы» одной синтаксической группы (словосочетания); 7) выделение слова в отдельную синтагму; 8) усиление фонетической самостоятельности слов по типу ИК-6; 9) употребление различных видов внутрисинтагменных пауз (пауз «хезитации», дикторских пауз).

Например, в следующем отрывке В. В. Путин для создания оттенка убедительности речи использует инверсию, благодаря которой акцентируемый компонент выносится в начало предложения, и такое интонационное средство, как ИК-3² со значением усиления, подчеркивания семантики выделяемого слова: *...с удовлетворением констатируем / что сокращается / естественная убыль населения / на семнадцать и три десятых процента / очень рассчитываю на то / что принятые / в прошлом году / меры / по... демографической проблематике / материнский капитал / и / весь пакет / мер / направленных на / э-э-э поддержку женщин / которые / приняли решение / родить второго ребенка / что всё это / закрепит / обозначенную мной тенденцию //...*

По нашим наблюдениям, умение налаживать коммуникативное сотрудничество, как одна из важнейших черт речевого поведения В. В. Путина, достигается в его речи благодаря высокой частотности личных и притяжательных местоимений 3-го лица множественного числа («мы», «наш») в сочетании с ИК-3, придающей звучанию оттенок разговорности. Например: *...сегодня мы / вновь вместе / и вновь отмечаем / праздник / день / народного / единства // этот праздник / неразрывно связан с судьбой России / и каждого ее гражданина / своими корнями он уходит / в тысячелетнюю историю нашей государственности // и конечно / это наш / общий праздник / с нашими / соотечественниками из-за рубежа /...*

Таким образом, предпринятый анализ позволяет установить комплекс интонационно-звуковых средств, обеспечивающих высокую культуру звучания речи В. В. Путина, и дополнить существующие в современной науке представления о слагаемых речевого портрета современного политического деятеля.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
2. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности. Дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009.
3. Кроль Л. Эюд в сиреневых тонах. Психологический портрет Владимира Путина // Психологическая газета. № 11 / 86. М., 2002.
4. Михальская А. Н. О речевом поведении политиков. М., 1999.
5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004.
6. Проскураков М. Р. Культура речи политика. Качества эффективной речи. М., 2000.